

КЕЙТ ЗБЕРЛЕН

Скучаю
по тебе

TOPBOOK

Кейт Эберлен
Скучаю по тебе

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Эберлен К.

Скучаю по тебе / К. Эберлен — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-98956-0

Если бы у каждого человека был световой датчик, то, глядя на Землю с неба, можно было бы увидеть, что с некоторыми людьми мы почему-то все время пересекаемся... Тесс и Гус живут каждый своей жизнью. Они и не подозревают, что уже столько лет ходят рядом друг с другом. Кажется, еще доля секунды – и долгожданная встреча состоится, но судьба снова рвет планы в клочья... Неужели она просто забавляется, играя жизнями людей, и Тесс и Гус так никогда и не встретятся?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98956-0

© Эберлен К., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	15
3	23
4	32
5	38
6	45
7	54
8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кейт Эберлен

Скучаю по тебе

*В память о моей любимой бабушке, которая умела обычное
сделать волшебным.*

© Корчагина А., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

1

*Август 1997 г.
ТЕСС*

У нас дома в кухне была сувенирная тарелка, которую мама привезла из отпуска на Тенерифе. На тарелке от руки было написано: «Сегодня – первый день твоей новой жизни».

Кажется, я никогда не замечала ее – она значила для меня не больше, чем папин приз за победу в конкурсе певцов или снежный шар, который мой брат Кевин когда-то прислал из Нью-Йорка на Рождество. Но именно в последний день нашего путешествия я не могла выкинуть из головы эту фразу.

Когда я проснулась, палатка была вся наполнена оранжевым светом, как будто внутри тыквенного фонаря со свечой. Я тихонько расстегнула молнию, чтобы не разбудить Долл, и выглянула наружу, подставив лицо ослепительному солнцу. Воздух еще был слегка прохладный. Вдалеке слышался перезвон колоколов.

Я записала в дневнике слово «протяжный» и поставила рядом звездочку, чтобы дома не забыть заглянуть в толковый словарь.

С того места, где располагался наш палаточный лагерь, вид на Флоренцию с ее терракотовыми куполами и белыми мраморными башнями, блестящими на фоне голубого неба, был такой восхитительно-идеальный, что я даже загрустила – ведь я скоро уеду отсюда.

Признаюсь, было немало того, о чем я не собиралась скучать. О том, как приходилось спать на земле и уже через несколько часов камни под тобой будто начинали вращаться в тело, как передевались в пространстве размером с картонную коробку, как, дойдя до санузла через весь лагерь, я вспоминала, что забыла в палатке туалетную бумагу. Странно, если к концу путешествия ты одновременно хочешь, чтобы оно никогда не заканчивалось, и мечтаешь о привычном домашнем уюте.

Мы путешествовали целый месяц. Проехали по железной дороге через всю Францию, потом направились в Италию. Мы спали на вокзалах, пили пиво с голландскими парнями в палаточных лагерях, страдали от солнечных ожогов в душных и медленных поездах. Долл больше интересовали пляжи и коктейли, а меня тянуло к историческим достопримечательностям, но мы с ней всегда понимали друг друга. С того самого первого учебного дня в подготовительном классе школы, когда четырехлетняя Мария Долорес О'Нил подошла ко мне и спросила:

– Будешь моей лучшей подружкой?

Кстати, это я сократила ее имя до кокетливого Долл¹.

Мы были очень разными, но удивительно дополняли друг друга. И когда я это говорила, Долл всегда замечала:

– Да! Мои туфли прекрасно дополняют твою сумочку! – или что-то в этом роде.

И если я уверяла, что не это имела в виду, она смеялась и добавляла:

– Ну конечно, я понимаю.

Хотя я никогда не была в этом уверена. Но в общении с родными и близкими всегда используешь какой-то свой язык, правда?

¹ В переводе с английского – «кукла». – *Здесь и далее примеч. пер.*

Впечатления о других местах, где мы с ней побывали, отпечатались в воспоминаниях, как картинки с открыток: Верона – залитый светом прожекторов амфитеатр на фоне чернильного неба, Неаполь – лазурное море, неожиданно яркие краски фресок Сикстинской капеллы. Но наш последний день, проведенный во Флоренции, тот день, после которого моя жизнь перевернулась, я могу вспомнить весь, по минутам и шагам.

Долл по утрам всегда собиралась дольше меня – она уже и тогда из палатки не выходила без полного макияжа. А мне нравилось немного побыть одной, особенно в то утро – я ждала результатов экзаменов для поступления в университет. Мне нужно было собраться с мыслями и силами.

Накануне вечером, возвращаясь в лагерь, я увидела освещенный фонарями фасад красивой церкви на вершине холма. Она смотрелась странно, как изящная шкатулка посреди леса. В дневном свете базилика оказалась гораздо большего размера, чем я думала, и пока я поднималась по широкой барочной лестнице наверх, я вдруг подумала, что эта церковь была бы идеальным местом для свадьбы. Очень странная и несвойственная для меня мысль, потому что я в жизни не мечтала увидеть себя в подвенечном платье, да и парня у меня не было.

С террасы на вершине открывался такой потрясающий вид, что у меня ком подкатил к горлу. И я пообещала себе, торжественно и уверенно, как это может быть только в восемнадцать лет, что обязательно вернусь сюда.

Вокруг никого не было, но тяжелая деревянная дверь церкви открылась, стоило мне ее толкнуть. После яркого солнечного света глаза не сразу свыклись с темнотой церкви. Внутри было на несколько градусов прохладнее, чем на улице, и в воздухе пахло привычной смесью старинной пыли и ладана.

Одна, в храме Божием, я особенно остро ощущала, как неуместно шлепали мои сандалии по ступеням к алтарю. Упершись взглядом в бесстрастное лицо Иисуса, я молилась, чтобы мои оценки позволили набрать проходной балл, когда вдруг, точно по волшебству, зажегся свет.

Испуганно обернувшись, я обнаружила долгового парня примерно моих лет. Он стоял у ящика, куда можно опускать монетки, чтобы зажечь свет. Влажные каштановые волосы были откинута со лба, да и одет он был еще более неподобающе для церкви, чем я: спортивные шорты, майка и кроссовки. Было мгновение, когда мы могли бы улыбнуться друг другу или даже перекинуться парой фраз, однако мы упустили его, оба смущенно обратив взоры к огромному куполу с золотой мозаикой. Но тут с громким щелчком снова погас свет, так же неожиданно, как и включился.

В темноте я посмотрела на свои часы, делая вид, что я бы с удовольствием уделила Ему еще пару минут или даже оплатила бы еще минуту света в этом углу, но, увы, мне пора. Едва я коснулась двери, как снова со щелчком включился свет. Глядя на освещенное строгое лицо Христа, я почувствовала, что Он во мне разочарован.

К тому времени, когда я вернулась в лагерь, Долл была уже при макияже и с укладкой.

– Ну, как она?

– Кажется, византийская, – ответила я.

– Красивая?

– Очень.

После капучино и булочек с кремом – удивительно, как в Италии все вкусно, даже завтраки в палаточном лагере, – мы упаковали вещи и решили пойти сразу в город, центральное почтовое отделение, где я могла бы позвонить по международной линии и узнать результаты экзаменов, чтобы этот дамоклов меч не висел над нами весь день. Даже если новости плохие, я должна была их услышать с утра. Неизвестность и неопределенность сводили меня

с ума. Поэтому мы спустились в исторический центр города, болтая без умолку, но ни разу не затронув самую важную для меня тему.

Я так волновалась, пока набирала номер, что думала, не смогу сказать ни слова. Мама подняла трубку после первого же звонка.

– Хоуп сейчас зачитает тебе результаты, – сказала она.

– Мама! – закричала я, но было поздно. Моя младшая сестра Хоуп уже перехватила трубку.

– Читаю твои результаты, – произнесла она.

– Давай.

– А, В, С... – медленно проговорила она, как будто повторяла алфавит.

– Правда, здорово? – спросила мама.

– Что?

– У тебя «А» по английскому, «В» по истории искусств и «С» по религии и философии².

– Правда?

Для поступления в Университетский колледж Лондона мне было нужно получить две оценки «В» и одну «С», так что моих результатов было больше чем достаточно.

Я выглянула из кабинки и подняла оба больших пальца вверх, показывая Долл, что все отлично.

В трубке было слышно, как радуется мама и Хоуп вместе с ней. И я представила их вдвоем на кухне возле полки с сувенирами, на которой стоит тарелка с надписью: «Сегодня – первый день твоей новой жизни».

Долл предложила отпраздновать эту новость, спустив все оставшиеся деньги на бутылку «Спуманте» в уличном кафе на площади Синьории. У нее денег было больше, чем у меня, – пока мы писали выпускные работы, Долл подрабатывала в салоне красоты. Когда мы были в Венеции, она все-таки уговорила меня на обед, и в итоге мы с ней сели на площади Сан-Марко и просадили там весь дневной бюджет на чашку капучино. В восемнадцать лет Долл уже имела вкус к шикарной жизни. Но теперь было всего десять часов утра, и я подумала, что, даже если мы наскребем денег на бутылку, нам еще нужно будет как-то провести время до вечернего поезда в Кале, и ничего, кроме головной боли, нам не останется. Да, я очень практичная.

– Как хочешь, – разочарованно заметила Долл. – Праздник-то твой.

Я столько всего хотела посмотреть: Уффици, Барджелло, Дуомо, Баптистерий, базилику Санта-Мария-Новелла³...

– То есть ты собралась смотреть церкви? – Долл итальянскими названиями не проведешь.

Мы обе воспитывались в католической школе, но с возрастом Долл стала считать, что церковь – всего лишь причина, по которой ей не дают поспать утром в воскресенье. А я заявляла, что я – агностик, поскольку думала, что это круто звучит, в то время как сама все равно часто о чем-нибудь молилась. Для меня церкви в Италии были скорее не храмами божьими, а храмами искусства. Если честно, я была в то время ужасно претенциозна, но, как будущей студентке университета, мне все это прощали.

Оставив рюкзаки в камере хранения на вокзале, мы быстренько обошли вокруг Дуомо, сфотографировали «Золотые ворота» Баптистерия, потом прошли старинными улочками к церкви Санта-Кроче, по пути остановившись в крошечной джелатерии⁴, которая как раз только открылась. Мороженое с утра вполне удовлетворило тягу к декадансу моей подруги.

² Оценки, соответствующие пятеркам и четверкам в российской системе образования.

³ Дуомо и Санта-Мария-Новелла – самые известные церкви города, а Уффици и Барджелло – музеи.

⁴ Джелатерия – лавка, где продают мороженое.

Мы выбрали по три разных вкуса из продолговатых ванночек, разложенных за витриной, как краски в огромной коробке.

Я взяла «освежающий мандарин», «лимон» и «розовый грейпфрут».

– Ну нет, как будто сок для завтрака, – сказала Долл и смело заказала шарик с «марсалай», «вишней» и еще со вкусом шоколадного кекса.

Долл заявила, что вкус у мороженого просто оргазмический, и на этом заряде она продержалась целый час в хорошем расположении духа, пока мы рассматривали фрески Джотто.

Прелесть походов по музеям в компании Долл была в ее комментариях:

– Согласись, ступни ему не очень удавались?

Но когда мы вышли из церкви, было ясно, что искусства с нее на сегодня достаточно, да и в городе наступил полуденный зной. Так что я предложила поехать на автобусе в маленький городок Фьезоле, о котором читала в путеводителе. В автобусе мы встали у открытого окна и отдыхали от жары, подставив лица потокам воздуха. После толп туристов на улицах Флоренции главная площадь Фьезоле показалась нам удивительно тихой.

– Давай устроим праздничный туристический обед! – предложила я, решив ухнуть заначку, которую держала до конца поездки на непредвиденный случай.

Мы сели на террасе ресторана. Вдалеке виднелась крошечная Флоренция, как задний план на картине Леонардо.

– У нас на сегодня есть запланированные образовательные мероприятия? – спросила Долл, промокая салфеткой уголки рта после того, как она уничтожила огромную тарелку спагетти с соусом из помидоров.

– Тут есть древнеримский театр, – призналась я. – Но я могу пойти одна, честно...

– Ох уж эти римляне, везде наследили, а? – проворчала Долл, но, поскольку настроение у нее было отличное, она согласилась пойти со мной.

Кроме нас, других посетителей не было. Долл легла загорать на одном из ярусов амфитеатра, а я пошла осматривать руины. Когда я добралась до сцены, она села и начала хлопать. Я поклонилась.

– Скажи что-нибудь! – крикнула мне Долл.

– «Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра»⁵, – продекламировала я.

– Еще! – воскликнула Долл, доставая фотоаппарат.

– Дальше не помню!

Я спрыгнула со сцены и поднялась по крутым ступеням.

– Дай я тебя сфотографирую!

– Лучше давай вместе.

Долл поставила камеру на три ступени выше, чтобы позади были видны холмы Тосканы.

– Как по-итальянски «сыр»? – спросила она, заводя таймер и спрыгивая ко мне как раз перед щелчком затвора.

На снимке в моем альбоме кажется, что мы посылаем в объектив воздушные поцелуи. Клейкие уголки уже давно пожелтели, а пластиковая обложка стала совсем хрупкой, но цвета – белые камни, голубое небо, темно-зеленые кипарисы – все такие же яркие, какими я их помню.

На остановке, в ожидании автобуса во Флоренцию, оглушаемые треском цикад, мы стояли в непривычном молчании. Наконец Долл озвучила то, что занимало ее мысли:

– Как думаешь, мы останемся подругами?

– В каком смысле? – Я сделала вид, что не понимаю.

⁵ У. Шекспир, «Макбет», акт V, сцена 5. (Перевод Б. Пастернака.)

– Когда ты поступишь в университет, вокруг тебя будут люди, которые много читают, знают, ну и все такое...

– Что за глупости! – уверенно ответила я, но предательская мысль уже промелькнула в моей голове. Что через год я наверняка буду проводить каникулы в компании людей, которые с интересом согласились бы посмотреть небольшую коллекцию античных ваз в местном музее или с которыми можно обсудить разницу между манерой письма Микеланджело, Донателло и других «черепашек ниндзя», как их называла Долл.

«Сегодня – первый день твоей новой жизни».

Всякий раз, когда я позволяла себе подумать о будущем, у меня в груди все сжималось от страха и восторга.

Вернувшись во Флоренцию, мы нанесли еще один визит в джелатерию. Долл опять не устояла перед шоколадным, на этот раз добавив к нему еще «вкус дыни», а я выбрала грушевое, которое напоминало эссенцию из спелых груш, и малиновое, по вкусу такое же яркое, как мои детские воспоминания о лете.

На Понте-Веккьо было не так многолюдно, как днем, и мы могли поглазеть на витрины ювелирных магазинов. Долл заметила серебряный браслет с подвесками, цена на который была гораздо ниже, чем на все остальное, и мы решили заглянуть в магазин.

Владелец лавочки показал тоненькую цепочку с миниатюрными подвесками в виде Дуомо, Понте-Веккьо, бутылки кьянти и статуи Давида.

– Это детский браслет, – сказал он.

– Давай я куплю его для Хоуп? – предложила Долл, обрадовавшись поводу потратить остаток своих денег.

Пока продавец заворачивал браслет в тонкую бумагу и укладывал его в картонную коробочку, украшенную флорентийскими золотыми лилиями, мы представляли себе, что это станет сокровищем, которое моя сестра будет хранить в особенном месте, и время от времени мы будем вместе доставать его и любоваться им, как редкой драгоценностью, передающейся по наследству.

Когда мы вышли, оказалось, что солнце уже опустилось и город притих. Джазовый мотив кларнета уличного музыканта струился в вечернем воздухе. На середине моста мы дождались, пока пройдет толпа, чтобы сфотографироваться на фоне золотого небосклона. Странно было представить, что у всех этих несчетных людей, от Токио до Теннесси, мы будем на фотографиях, где-то на заднем плане.

– У меня осталось два кадра, – сказала Долл.

Я всмотрелась в толпу и увидела смутно-знакомое лицо, и только когда он смущенно нахмурился в ответ на мою улыбку, я поняла, где раньше его видела. Это был тот самый парень, которого я встретила в церкви Сан-Миниато-аль-Монте утром. В лучах угасающего солнца его волосы казались рыжими, на нем были свободные брюки и поло цвета хаки, и он неловко мялся, стоя рядом с супружеской парой средних лет, похоже, с родителями.

Я протянула ему фотоаппарат.

– Вы не могли бы нас сфотографировать?

На его лице отразилось смущение, и я было подумала, что ошиблась и он не англичанин, но потом его бледное веснушчатое лицо залилось румянцем и он ответил:

– Конечно!

Голос у него был приятный.

– Скажите «сыр»!

– Формаджио! – хором крикнули мы с Долл.

На фотографии глаза у нас закрыты, потому что мы рассмеялись над нашей шуткой.

В шестиместном купе мы оказались единственными пассажирами. И растянулись на нижних полках, обмениваясь воспоминаниями о поездке, передавая друг другу бутылку

красного вина, а поезд уносил нас в ночь. Самые яркие воспоминания у меня были от удивительных ландшафтов и достопримечательностей.

– Помнишь, какие были цветы на испанской лестнице в Риме?

– Цветы?

– Слушай, ты вообще была со мной там?

Воспоминания Долл были в основном о мужчинах.

– Помнишь, какое было лицо у официанта на Пьяцца-Навона в Риме, когда я сказала, что люблю рыбу?

Теперь-то мы обе знали, что на итальянском языке эта фраза имела другое значение.

– Самая вкусная еда? – спросила Долл.

– Прошутто⁶ и персики на рынке в Болонье. А у тебя?

– Мне понравилась та пицца с луком и анчоусами в Неаполе...

– Писсаладьере, – сказала я.

– Не выражайся!

– Самый лучший день?

– На Капри, – ответила Долл. – А у тебя?

– Наверное, сегодня.

– Лучший...

Долл уснула, но мне не спалось. Стоило закрыть глаза, как я представляла маленькую комнату в студенческом общежитии, которую я забронировала и которую я до того дня не позволяла себе представить своей. Я думала о том, как и где расставлю вещи, мысленно застилала кровать привезенным из дома покрывалом и прикалывала на стену новый постер с картиной Боттичелли «Весна», которая каталась сейчас в тубусе на верхней багажной полке. Какой у меня будет этаж? Из моих окон будет вид на крыши и телебашню, как в тех комнатах, что показывали нам в день открытых дверей? Или мои окна будут выходить на улицу, где по ночам, как в кино, слышны полицейские сирены?

В купе похолодало, когда поезд стал подниматься в Альпы. Я укрыла Долл одеялом. Она пробормотала «спасибо», но не проснулась, и это было хорошо, потому что мне нравилось быть наедине с этими своими мыслями о том, как скоро у меня начнется новая жизнь.

Кажется, под утро я все-таки заснула. Проснулась от звука тележки, на которой везли завтрак. Долл угрюмо смотрела на капли дождя, бегущие друг за другом по стеклу, в то время как за окном поезда с нарастающей скоростью проносились плоские поля Северной Франции.

– Совсем забыла про погоду, – сказала она, протягивая мне пластиковый стаканчик с кофе и круассан в целлофане.

* * *

Конечно, я не ожидала, что меня будут встречать с оркестром и цветами, но когда я шла по своей улице, распрощавшись с Долл возле ее дома, не могла не заметить разочарованно, что все осталось таким же, как раньше. Наш муниципальный микрорайон застраивали в конце шестидесятых. Возможно, в те времена он и был образцом современной архитектуры – одинаковые прямоугольные таунхаусы, бледный кирпич и белая штукатурка, общественные газоны вместо личных палисадников. Все наименования улиц образованы от названий деревьев, но, кроме нескольких худосочных вишен, у нас так ничего больше и не посадили. Те дома, которые жильцы выкупили у государства, обзавелись застекленным крыльцом или

⁶ Сорт итальянской ветчины.

целой верандой, но все дома, по большому счету, выглядели одинаково. Всего за месяц я выросла, и наш городок стал мне тесен.

Мама, конечно, не знала точно, во сколько я приеду, но я все равно удивилась, что они с Хоуп не ждут меня у окна или у входа в дом. Вечер выдался теплый. Может быть, мама поставила для Хоуп надувной бассейн на заднем дворе и они так шумно плещутся, что не слышат звонка?

Наконец за матовым стеклом двери показался знакомый маленький силуэт.

– Кто там? – спросила Хоуп.

– Это я!

– Это я! – закричала она.

С Хоуп невозможно было понять, шутит она или просто педантично уточняет.

– Это Три! – сказала я. – Ну же, Хоуп, открывай!

– Это Три!

Я слышала, как где-то в глубине дома мама что-то говорит, но было не разобрать что.

Хоуп встала на колени и сказала мне в отверстие для почты:

– Я возьму стул с кухни.

– Возьми стул в прихожей, – ответила я ей в то же отверстие.

– Мама сказала, с кухни.

– Хорошо, хорошо.

Почему мама сама не спустилась? Я вдруг почувствовала усталость и раздражение.

Наконец Хоуп удалось открыть дверь.

– А где мама? – спросила я. В доме было прохладно и запаха ужина не ощущалось.

– Встает, – сказала Хоуп.

– Она болеет?

– Нет, просто устала.

– Папа дома?

– Нет, наверное, в пабе, – ответила Хоуп.

Пока я снимала рюкзак, наверху показалась мама, но вместо того, чтобы радостно бежать ко мне по лестнице, она аккуратно спустилась, держась за перила. Я решила, что это из-за неудобных тапочек. На ней кроме них был старый розовый спортивный костюм, который она надевала для занятий аэробикой. Вид у нее был задумчивый, даже сердитый, она избегала моего взгляда, пока набирала воду в чайник.

Я посмотрела на часы. Было восемь. Я и забыла, что в Англии позже темнеет. Наверное, мне надо было найти телефон, чтобы позвонить маме, как только я сошла с парома, подумала я. Но вряд ли мама могла так сердиться на меня из-за подобной мелочи.

Я заметила, что волосы у мамы не причесаны. Когда я пришла, она была в постели. Хоуп сказала, мама просто устала. Она четыре недели была тут без моей помощи.

– Давай, – я вскочила, перехватывая у нее чайник.

Я начала волноваться, когда заметила, что в раковине полно невымытых кружек. Видимо, мама очень сильно устала – обычно она содержала дом в идеальной чистоте.

– Где папа? – спросила я.

– В пабе, наверное, – сказала мама.

– Мама, ты ложись, а я принесу чай тебе наверх, хорошо?

И, к моему удивлению, мама, которой вообще никакие хлопоты были не в тягость, ответила:

– Хорошо. – И потом, как будто только сейчас вспомнив, что я уезжала: – А как прошла твоя поездка?

– Супер! Просто отлично!

Я улыбалась изо всех сил, но в ответ не получила ничего.

– Как поезд?

– Прекрасно!

Она уже была на полпути в спальню.

Когда я поднялась с чаем наверх, дверь в родительскую комнату была открыта, и я увидела отражение мамы в зеркале до того, как вошла. Когда люди не знают, что на них смотрят, они выглядят по-другому. Мама лежала на кровати с закрытыми глазами так, как будто из нее испарилась вся жизненная энергия, оставив пустую оболочку, тень. Пару секунд я смотрела, потом она пошевелилась, заметив мое присутствие.

Она открыла глаза, полные беспокойства, словно умоляя меня взглядом: «Ни слова в присутствии Хоуп!», потом увидела, что я одна, и с облегчением снова закрыла глаза.

– Давай-ка я усажу тебя поудобнее, – сказала я.

Она оперлась на меня, пока я взбивала под ней подушки. Ее тело было таким легким, таким хрупким.

Полчаса назад я шла по улице и ненавидела город за то, что все было точно таким же, как раньше. А теперь мир вокруг меня рушился и земля уходила из-под ног, и мне мучительно хотелось, чтобы все стало обычным, прежним.

– Я больна, Тесс, – проговорила мама, отвечая на вопрос, который я боялась задать.

Мне хотелось, чтобы она продолжила: «Но это ничего, потому что...» Но она больше ничего не сказала.

– Насколько серьезно? – От паники у меня начинала кружиться голова.

Когда мама была беременна Хоуп, у нее диагностировали рак молочной железы. И пока не родилась Хоуп, мама не лечилась. Но потом она поправилась. С тех пор она регулярно проходила осмотр, но в прошлый раз, всего несколько месяцев назад, результаты были хорошие.

– У меня рак яичника и метастазы в печени, – произнесла она. – Надо было раньше пойти к врачу, но я думала, что у меня просто проблемы с пищеварением.

Внизу Хоуп напевала какой-то знакомый мотив, но я никак не могла вспомнить, что это за песня.

Я пыталась вспомнить, какой была мама до моего отъезда. Немного усталая и слегка обеспокоенная. Но я думала, что она волнуется из-за моих экзаменов. Она всегда была рядом: на кухне отвлекала Хоуп, пока я завтракала и повторяла билеты. Вечером встречала меня с чашкой чая, готовая выслушать все, что мне хочется рассказать. А если мне не хотелось говорить, просто была рядом, занимаясь своими делами – мыла посуду или готовила ужин, и ее присутствие ободряло.

Как я могла быть такой эгоисткой? Как могла не заметить? Как я вообще могла уехать в это свое путешествие?

– Ты ничего не могла бы сделать, – сказала мама, словно читая мои мысли.

– Но на прошлом обследовании у тебя ничего не нашли!

– Они смотрели только молочные железы.

– А почему не сделали полное обследование?

Мама прижала палец к губам. К нам поднималась Хоуп. Она нараспев читала «Скрюченную песню»: «А за скрюченным мостом скрюченная баба...» Только в ее исполнении получалось:

*А за скученным мостом скученная баба
По болоту босиком прыгала, как жаба.*

Мы заставили себя улыбнуться, когда она вошла в комнату.

– Я хочу есть, – объявила Хоуп.

– Давай я налью тебе чаю! – вскочила я с кровати.

Открыв холодильник, я еще раз убедилась в том, как плохи наши дела. Он был совершенно пуст. Да, в нашей семье никогда не водилось много денег, но еда у нас была всегда. Я вдруг поняла, что ужасно зла на отца. В семье роли распределялись вполне традиционно: мама занималась хозяйством, а отец зарабатывал деньги. Но неужели он не мог сделать над собой хотя бы небольшое усилие в такой ситуации? Тут же представила, как он сидит в пабе, полный жалости к себе, а его собутыльники покупают ему очередную кружку пива. Отец все время жаловался на то, как жестоко обошлась с ним судьба.

Я нашла в шкафу банку консервов «Хайнц спагетти в томатном соусе», засунула в тостер ломоть хлеба. Хоуп не сводила с меня пристального взгляда, но я была так потрясена происходящим, что не находила слов, чтобы сказать ей хоть что-нибудь.

Спагетти в соусе начали закипать.

Я шмякнула ложку спагетти на тост, вспомнив миску идеальных спагетти альденте, которые мы ели во Фьезоле буквально днем раньше, Флоренцию, крошечный городок вдалеке, словно фон на картине Леонардо. Все это теперь показалось таким далеким, словно отголосок другой, прошлой жизни.

Толковый словарь объяснял слово «протяжный» как «длительный и печальный».

2

*Август 1997 г.
ГУС*

Я пристрастился к бегу после смерти моего брата. Потому что во время пробежки мне удавалось побыть одному. Выносить сочувствие других людей оказалось едва ли не тяжелее всего. Если я говорил, что у меня все в порядке, они думали, что я сдерживаю свою боль. Если говорил, что мне тяжело привыкнуть к случившемуся, они ничем не могли облегчить мои страдания. А когда я говорил, что тренируюсь для участия в благотворительном полумарафоне для сбора денег в пользу пострадавших от спортивных травм, они удовлетворенно кивали, потому что это было понятно и приемлемо – Росс погиб в результате несчастного случая на горнолыжной трассе.

Бег на удобной скорости, ритмичные толчки подошвы от дорожки, я словно отключался от реальности, впадал в забытие и вскоре уже не мог без этого жить. Ради этого чувства я заставлял себя вставать каждое утро, даже в отпуске, хотя во Флоренции, с ее неровной древней брусчаткой и неожиданными столкновениями с прекрасным, мне было трудно сохранять бег на такой скорости, чтобы забыть, кто я и где нахожусь.

В последний день отпуска на рассвете я бежал вдоль Арно, пересекая реку то в одну сторону, то в другую на каждом мосту, разворачиваясь и меняя направление, подставляя теплему утрунному солнцу то лицо, то спину. Кроме меня, на улицах не было никого, лишь изредка я наталкивался на дворников с метлами, и мне казалось, что все вокруг принадлежит мне одному. А может быть, наоборот, я весь принадлежу этому городу. Мысли мои витали свободно и легко, и вдруг я подумал, что мог бы снова приехать в этот город или даже поселиться здесь, стоит только захотеть. В этом древнем городе я мог бы стать человеком без прошлого, быть кем захочется, кем угодно. В восемнадцать лет эта мысль стала для меня откровением.

Пересекая Понте-Веккьо в третий раз, я перешел на шаг, чтобы восстановить дыхание. Вокруг не было ни души. Блестящие витрины ювелиров были надежно закрыты тяжелыми деревянными ставнями. Казалось, что я перенесся на пятьсот лет назад. В отсутствие толпы туристов все казалось нереальным, как заброшенная декорация для фильма.

Наверное, я надеялся снова встретить здесь ту девушку. Впрочем, вряд ли бы я нашелся, что ей сказать, как и в первые две наши встречи. Возвращая фотоаппарат, я даже постеснялся посмотреть ей в глаза, да и потом, когда мне выпал еще один шанс, его я тоже упустил.

Стоя в очереди за мороженым у моста, я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. И, обернувшись, снова увидел ее. Она улыбалась так, словно мы были знакомы всю жизнь и впереди нас ждало удивительное приключение.

– На улице Виа-дей-Нери есть потрясающая джелатерия! Там шесть шариков стоят столько же, сколько здесь один! – объявила она.

– Вряд ли я смогу осилить шесть шариков!

Я пытался сострить, но получилось высокомерно и претенциозно. Опыта общения с девушками у меня было мало.

– Честное слово, в той лавке ты и не заметишь, как съешь все шесть!

А ты покажешь дорогу? Супер! Пошли вместе! Нет, ничего из этого я не мог ей ответить, потому что рядом стояли мои родители. Так что вместо этого я просто тупо уставился на нее, прокручивая в голове разные варианты ответов. А тем временем ее радостная улыбка

потускнела, обратившись в удивленную и неловкую, а потом и вовсе сошла с лица, и девушка заспешила, чтобы догнать свою подругу.

На северном берегу Флоренция начинала просыпаться от механических звуков поднимавшихся роль-ставен баров, что открывали двери первым посетителям. Когда я вышел на центральную площадь у собора, солнце осветило контрастные полосы мрамора на знаменитой колокольне, и воздух вдруг наполнился звоном колоколов. Флоренция была похожа на настоящий рай на земле, и я подумал, что, живя здесь, человек просто не мог быть несчастным.

В лобби отеля я встретился с родителями и отправился с ними на завтрак.

– Одиноким марафонец, – заметил папа.

Он всегда это говорил, когда видел меня после пробежки, будто эта фраза имела какое-то значение. А на самом деле это было просто название старого фильма, виденного папой в юности.

Мне в обществе родителей опять стало неудобно. Это уже был какой-то условный рефлекс.

В школе я слышал, что приличный отпуск в Тоскане подразумевал обязательно аренду виллы с бассейном посреди оливковых рощ и зеленых холмов. В идеале, конечно, предполагалось, что виллой вы владеете, а не арендуете ее. Мой же отец вместо этого забронировал нам самый дорогой отель в центре города. Я не знаю, кто и когда решил, что все должно быть именно так и не иначе, но с раннего возраста я понял, что есть определенный порядок вещей, как все это делать принято, и еще то, как этот порядок вещей понимает мой папа, и папа часто делает не совсем так, как принято. Сам он рос в обычной семье, и родители не могли дать ему частного образования. Теперь же он мог себе позволить отправить детей в любую школу. И на спортивные соревнования школы он приезжал в блейзере и галстуке, в то время как другие отцы, крутые парни, посещавшие Каннский кинофестиваль и имевшие офшоры на Каймановых островах, надевали в этот день джинсы, поло и лоферы на босу ногу. Все как один, словно соревнуясь за звание самого стильного и неформального «Отца года». Я, студент-старшеклассник, уже усвоил правило, что каждый волен одеваться как хочет. Но наряды моего отца повергали меня в ужас.

– И кому, скажите на милость, хочется сыра в такую рань? – Мой отец осматривал шведский стол. Он был из тех людей, кто всегда громко заявляет о своем мнении, словно ожидая, что аудитория его поддержит.

– Кажется, немцы едят это на завтрак, – тихо, чтобы ее не услышали, ответила мама.

– Интересно, какой среди немецкого населения процент заболеваемости раком прямой кишки? – задумался папа. – И еще эти их копченые колбаски...

– Куда отправитесь сегодня? – спросил я их, когда мы вернулись к столу с полными тарелками.

В наш пакетный тур «Сокровища Тосканы» были включены экскурсии в другие знаменитые города региона. В первую поездку в Ассизи водителю пришлось дважды останавливать автобус – меня укачивало до рвоты. Так что теперь я целые дни проводил один во Флоренции. В собственном темпе я осматривал церкви и музеи, наслаждаясь легкостью и свободой от родительского гнета.

– В Пизу, – ответил отец.

Он никогда не верил до конца, что морская болезнь существует, поэтому с трудом скрывал раздражение от того, что я не мог воспользоваться туристическим пакетом в полном объеме, а компания отказалась возместить разницу за неиспользованные услуги.

Центр города наполняли группы туристов, послушно следовавших за поднятыми зонтиками гидов. Но от них несложно было укрыться в тени узких переулков. За эти несколько дней я столько гулял, что помнил карту города наизусть. Крытый рынок возле Сан-Лоренцо

с его прохладным воздухом, наполненным ароматами деликатесов, был первым пунктом в моем ежедневном маршруте. Некоторые торговцы уже знали меня в лицо. Владелец фруктовой лавки аккуратно выбрал мне самый спелый персик из пирамиды, выложенной на прилавке. Заботливая женщина из соседней лавки долго искала для меня самый лучший кусок колбасы для единственного бутерброда, предлагая на пробу разные сорта салями и ветчины, словно подбирая подходящее вино. И поскольку это был мой последний день в городе, я решил позволить себе несколько ломтиков дорогой «прошутто ди Сан-Даниэле». Она аккуратно разложила прозрачные кусочки ветчины на пергаменте.

– *Ultimo giorno*, – сказал я ей, пытаясь вести беседу на итальянском. *Это последний день.*

– *Ma ritorno*, – добавил я. *Но я вернусь.* Как будто, если я скажу это вслух, мое желание станет более реалистичным.

Я купил скетчбук с обложкой из бумаги, сделанной вручную по старинной технологии, чтобы брать его с собой в музей. Благодаря своим наброскам я мог вплотную подходить к картинам и долго их рассматривать, не привлекая к себе лишнего внимания. Рисование всегда было моим любимым предметом в школе. Если, конечно, считать рисование полноценным предметом, а мой отец его таковым не считал. Чем больше я изучал искусство во Флоренции, тем сильнее было мое желание набраться храбрости и поступить на факультет истории искусств в университете. Меня не столько восхищало изящество наложения краски на холст или штукатурки, меня увлекало то, о чем художник думал в этот момент. Действительно ли художники верили в религиозные истории, которые иллюстрировали, придавая им невероятную человечность, так что апостолы и святые выглядели как знатные флорентинцы, или они просто этим ремеслом зарабатывали на жизнь?

Меня готовили к поступлению в медицинский, потому что «это у нас семейное», как сказал мой учитель в старших классах. Как будто речь идет о какой-то генетической мутации. Все повторяли мне, что на картины я смогу любоваться в свободное от работы и учебы время. Сейчас, вдохновленный этим городом, где искусство и науки процветали бок о бок, я даже начал подумывать, а нельзя ли совместить и то и другое. Может быть, однажды я вернусь в этот город, в галерею Уффици как профессор анатомии? Во всяком случае, выбрав медицину, я смогу себе позволить путешествия. А за художества денег не платят, говорил отец. «Даже Ван Гог не смог заработать рисованием себе на жизнь».

Свой бутерброд я съел, сидя на ступенях Палаццо Веккьо, иногда притопывая ногой в такт гитаре уличного музыканта. Казалось, будто я сижу здесь по делу, а не просто так. Когда я гулял в одиночестве, время тянулось бесконечно долго, а я был патологически стеснительным, чтобы завязывать разговоры с незнакомцами. Я задумался: а было бы мне легче, если бы со мной был мой друг Маркус? Мы с ним планировали путешествовать после школы вдвоем. Но на выпускном он подцепил девчонку из соседней школы и, естественно, предпочел секс на Ибике нашему путешествию по Европе. До этого ни у одного из нас не было отношений с девушками, и мы как-то решили, что, видимо, секса нам до самого университета не видать. И вот теперь мне оставалось только восхищаться везению Маркуса, но дело в том, что из-за него мне пришлось выбирать: либо отменять поездку, либо ехать одному.

Примерно в это же время один из папиных пациентов сломал коронку о кусочек пан-форте⁷ и, придя к отцу на лечение, очень удивился, что папа никогда не бывал в Тоскане. Недоумение было настолько сильным, что папа тут же решил действовать.

– Что скажешь? – спросил он меня однажды утром, подвинув ко мне брошюрку, в то время как я доедал свой сухой завтрак и собирался ехать на велосипеде в гастронаб, куда устроился на летнюю подработку.

⁷ Твердая нуга с орехами, традиционное тосканское лакомство.

- Отлично! – Было приятно видеть, что его снова хоть что-то заинтересовало в жизни.
- Поедешь с нами?

– Серьезно? – Почему-то с набитым ртом у меня получилось придать вопросу больше энтузиазма, нежели удивления и растерянности.

Поскольку мой отец стоматолог, он привык даже легкий кивок трактовать как полное согласие. Так что к моему возвращению с работы наша поездка была забронирована и полностью оплачена.

Я пытался убедить себя, что отказаться от щедрого предложения родителей было бы невежливо, но, по правде говоря, дело в том, что у меня просто кишка тонка им что-то возражать.

Разглядывая толпы туристов, фотографирующихся у копии статуи Давида, я думал, смогу ли я узнать эту девушку, если повстречаю ее снова. Она высокая, с каштановыми длинными волосами. Кажется. Не было в ее внешности чего-то особенно запоминающегося, разве что улыбка. Улыбка у нее открытая, с хитринкой, казалось, что у нее есть какой-то удивительный секрет, который она хочет доверить только тебе одному.

Виа-дей-Нери – узенькая петляющая улочка, ведущая к площади Санта-Кроче. Я не заметил джелатерию с первого раза и прошел мимо. Это была темная лавочка с маленькой дверью. В свой первый рожок я заказал шарик орехового и шарик лимонного мороженого. Просто потому, что такую комбинацию заказал итальянец, стоявший передо мной. Восхитительный сливочный вкус орехов прекрасно оттенял пикантный цитрус. Я спустился обратно к площади Санта-Кроче, поедая мороженое на ходу. Потом вернулся в лавку и заказал еще рожок, с фисташковым и дынным, не спеша съел его, сидя в прохладной лавке, рассматривая покупателей и надеясь снова увидеть ту девушку.

Когда жара достигла пика, я пробрался сквозь толпу на мосту Понте-Веккьо и пошел к садам Боболи. Чем выше я поднимался, тем меньше туристов встречалось на моем пути. И наконец, на верхней террасе я оказался у декоративного пруда в полном одиночестве. Солнце было таким же жарким, но теперь его невозможно было разглядеть сквозь влажную дымку, покрывавшую город внизу, словно помутневший лак на старинной картине. Гром прокатился где-то вдалеке, и воздух наполнился тяжестью неминуемого дождя. Я открыл альбом и зарисовал размытый силуэт главного собора. Вдруг яркий луч света пробился сквозь желтые сумерки, выделив невероятно четкие грани подстриженной изгороди и пробив зелено-голубую воду пруда. Стоило мне взять в руки фотоаппарат, как белая цапля, которую я принял за статую, установленную в середине пруда, вдруг взлетела, громко рассекая крыльями воздух в застывшей тишине.

Я вдруг понял, что с утра ни разу даже не вспомнил о брате.

На секунду перед глазами вновь всплыла картинка – Росс оглядывается и смотрит на меня сквозь густой снежный вихрь. Белые зубы, снежинки оседают на его черных, зачесанных назад волосах, глаза скрыты за зеркальными лыжными очками.

На рисунок упала крупная капля. Я закрыл альбом и несколько секунд стоял, подставив лицо теплему дождю, пока вспышка молнии не вывела меня из оцепенения, напомнив, что рядом нет ни одного объекта выше меня и надо укрыться в безопасном месте. Я поскакал по мраморным ступеням, вмиг ставшими скользкими от дождя. Навстречу мне из разных уголков сада выходили группы туристов, прикрывавших головы глянцевыми путеводителями.

Мы сгрудились под узкими карнизами стен дворца Питти, прижавшись плечом к плечу. Иногда кто-то вытягивал руку, пытаясь понять, насколько силен еще дождь и можно ли рискнуть покинуть убежище.

Рядом со мной стояли три американки примерно моего возраста с громоздкими рюкзаками за спиной. Они вглядывались в карту путеводителя, пытаясь понять, как пройти к палаточному лагерю. Я знал дорогу – видел лагерь накануне утром во время пробежки, но

не был уверен, будет ли вежливо вмешаться в их разговор и показать путь. Одна из девушек была просто красотка, и я чувствовал, что краснею в ее присутствии, еще не заговорив.

– Случайно услышал ваш разговор. Вам помочь?

Я не узнал своего голоса. Хрипловатый, слишком громкий и чересчур вежливый.

– О, ты англичанин? – спросила красотка. – У тебя такой клевый акцент!

– Ты тоже живешь в палаточном лагере?

– Нет, я остановился в отеле, – признался я, поскольку ничего более остроумного мне в голову так быстро не пришло.

– А не выпить ли нам вместе аперитива перед ужином? – предложила самая громкая из трех.

– К сожалению, я ужинаю с родителями.

Дождь пошел на убыль, и я поспешил прочь от убежища, уверенный в том, что они смеются мне в спину. Росс бы точно знал, как вести себя в таком случае. Интересно, шарм и обаяние – это врожденный дар или всего лишь дело практики?

Шторм разогнал толпы с Понте-Веккьо. Я остановился бросить прощальный взгляд на холм, но плотные облака заволокли все вокруг, и полосатый бело-зеленый фасад базилики Сан-Миниато-аль-Монте, которым я любовался из бассейна на крышной террасе моего отеля, совсем исчез среди туч.

Главные туристические достопримечательности Тосканы были перечислены на обложке яркого путеводителя, который лежал в плотном белом конверте вместе с нашими билетами. Каждый вечер, когда наша семья воссоединялась за ужином, отец отмечал выполненные пункты за день, как рачительная домохозяйка продукты в списке покупок.

МОЩНЫЕ УЛОЧКИ В САН-ДЖИМИНЬЯНО?

Ходили.

САМАЯ ВЫСОКАЯ БАШНЯ В ТОСКАНЕ?

Поднимались.

СЕРИЯ ФРЕСОК ДЖОТТО О ЖИЗНИ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА?

Видели. (Думаю, такой порции религиозного искусства достаточно на всю оставшуюся жизнь!)

ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ СКАЧКИ НА ПЛОЩАДИ ПАЛИО В ЦЕНТРЕ СИЕНЫ?

Проводятся всего два раза в году.

АПЕРИТИВ НА ИЗВЕСТНОЙ ПЛОЩАДИ В ФОРМЕ ВЕЕРА?

Выпито, несмотря на сумасшедшую цену джин-тоника.

– Ну, как вам Пиза? – спросил я у отца в тот вечер, пока мы ждали меню в дорогом ресторане с голыми кирпичными стенами и балками, придававшими залу торжественный средневековый вид.

– Понравилась больше, чем я ожидал. – Отец надел очки, чтобы прочесть меню, хотя и так заранее знал, что будет заказывать.

– А я думала, что падающая башня на самом деле выше, – сказала мама.

– Надо бы им отработать систему очередности подъема на башню, – провозгласил папа, из чего я сделал вывод, что забраться на башню им не удалось, так что поставить галочку в нужном пункте не удастся.

ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ.

Сфотографировались, но не поднимались.

Если честно, нельзя было сказать, что поездка полностью удалась.

– К тому же там кроме башни еще много зданий, – заметила мама.

– Да, соборы и все такое, и кругом, конечно, нет прохода от туристов.

После такого описания вряд ли было бы уместным с моей стороны сказать, что мне бы тоже хотелось посмотреть Пизу. Впрочем, даже если бы я и выразил такое желание, для отца

это было бы очередным напоминанием о деньгах, потраченных впустую на мой турпакет. Так что я решил промолчать.

– О да, и вам добрый вечер, – произнес папа, когда официант пришел принять заказ. – Мы будем стейк по-флорентийски.

С самого начала поездки отца занимала мысль, где лучше всего попробовать этот знаменитый стейк. В первый же день отец спросил об этом у таксиста, который вез нас из аэропорта. Потом ежедневно наводил справки у клерков на рецепции отеля. И вот теперь мы сидели в ресторане, который нам порекомендовали пятеро из шести опрошенных флорентинцев.

Это блюдо, цена на которое давалась исключительно в пересчете на вес, а не на порцию, было не просто едой, это было целое представление, которое давали на постаменте в центре зала ресторана. Сначала шеф-повар в высоком колпаке поднимал вверх часть туши. Затем демонстративно затачивал большой нож. Потом он отрезал внушительный ломоть, толстенный стейк гигантских размеров, который тут же взвешивали и клали на тележку, чтобы подвезти к столику клиента и получить одобрение. Отец буквально лопался от гордости, пока соседние столики охали и ахали от восторга на каждом этапе ритуала. Я не мог разделить с ним это удовольствие, поскольку мне было мучительно стыдно и неловко.

– Ну а ты чем сегодня занимался? – спросил отец, когда наш стейк увезли готовить на кухню и нам снова пришлось поддерживать беседу.

– В основном гулял. Ходил в сады Боболи.

Молчание.

– Еще я сегодня видел цаплю.

– Цаплю? Но мы же далеко от больших водоемов, разве нет? Ты уверен, что это был не аист? – удивился отец.

– Цапля была странная, потому что я вначале принял ее за статую. И тут она взлетела, как будто камень вдруг ожил.

Родители переглянулись.

«Мечтатель», – говаривала иногда про меня мама. Папа же описывал меня так: «Футы, ну-ты, ножки гнуты». Коротко говоря, родители считали, что я «не от мира сего».

У меня хватило глупости продолжить свою мысль:

– Было ощущение такого, знаете, видения... Я вот думаю, может быть, видениям святого Франциска есть неврологическое объяснение? Может быть, у него как-то по-другому работал мозг?..

Слишком поздно я вспомнил, что слово «мозг» с некоторых пор в нашей семье под негласным запретом. Определенные слова неизбежно вызвали ненужную ассоциацию. За последние месяцы активный словарный запас нашей семьи сократился до катастрофических масштабов.

Теперь оба моих родителя смотрели перед собой в пустоту невидящим взглядом.

Моя беспечность привела к тому, что в их воспоминаниях снова возникла повязка на голове Росс, плотная, объемная и все равно не скрывающая того, что часть черепа отсутствует.

Интересно, куда делась часть головного мозга моего брата? – подумал я. Вывалилась в снег? Может быть, ее забросали снегом спасатели? А когда весной сошел снег, всплыли ли остатки его черепа на каменистом склоне?

Если у нашей поездки была миссия заглушить воспоминания и помочь жить дальше, то она полностью провалилась. Когда мы в прошлый раз ездили в отпуск всей семьей, с нами был Росс. Это были зимние каникулы. Совершенно не похожие на путешествие в жаркую Флоренцию, но все равно каникулы всей семьей. Когда думаешь о каникулах, в памяти обычно всплывают достопримечательности, которые вы вместе посетили, погода во

время поездки. И напрочь забывается несвобода, вынужденные совместные завтраки, обеды и ужины. День за днем. Обычно Росс доминировал в застольных беседах, перешучиваясь с отцом и подтрунивая надо мной, в то время как мама молча взирала на него обожающим взглядом. Теперь же, когда его не было с нами, присутствие брата стало будто еще более ощутимым.

Знаешь выражение «бельмо на глазу», Росс? Так вот ты – то самое бельмо!

Думаю, ему бы даже понравилось мое определение. Иногда я замечал, что веду внутренние диалоги с братом, хотя при жизни у нас с ним были вовсе не такие отношения. Я вообще удивлялся, как много у нас оказалось общего всего лишь потому, что мы росли в одной семье. Росс, например, смог бы понять, как безутешны были родители в горе и как они раздражали меня даже в таком состоянии.

– Тебе надо смириться с действительностью, – наконец сказал отец. Я не был уверен, обращался он ко мне либо к самому себе. – Ты должен научиться видеть то, что находится перед тобой.

Перед ним на тот момент находился гигантский стейк с поджаристой корочкой, истекающий кровью на деревянной доске.

Отец поднял глаза на официанта.

– Мы хотели бы, чтобы повар прожарил мясо, если его это, конечно, не затруднит! – гаркнул он.

Я представил лицо повара, когда официант вернул ему стейк. На своей летней подработке я отлично усвоил, что клиенты, возвращающие стейк для полной прожарки, презирались кухонным персоналом больше, чем кто бы то ни было.

Когда нам принесли дожаренный стейк, он был насквозь бледно-коричневый, как будто его минут на десять засунули в микроволновку.

Отец скупно нарезал жесткие ломтики.

– Сколько тебе, Ангус?

– Один.

– Всего один?

– Ангус никогда не отличался здоровым аппетитом, – напомнила ему мама.

У Росса же, напротив, был отменный аппетит. Не слишком ли я был впечатлителен, если в тот момент мне показалось, что нас с братом снова сравнивали?

Я был полной противоположностью Росса. Брат был темноволосым красавцем крепкого телосложения. Я же пошел в маму худощавостью и высоким ростом. И хотя цвет моих волос не был огненно-рыжим, как у нашего отца, моя светлая кожа, усыпанная веснушками, давала одноклассникам повод обзывать меня рыжим-конопатым.

Росс был капитаном команд регби и гребли, к тому же старостой группы. А я, хоть и любил играть в футбол, красивой фигурой никогда не обладал. После школы Росс на лето устроился спасателем в местный бассейн. А этим вполне можно было похвастаться, не в пример моей летней подработке подмастерьем на кухне. Никого он, конечно, не спасал, хотя девицы частенько имитировали барахтанье утопающих в надежде привлечь к себе его внимание. Можно сказать, Росс был главной звездой в своей собственной версии «Спасателей Малибу», только у нас в Гилфорде.

Никогда я не мог до конца понять, то ли я действительно был такой посредственностью в сравнении с Россом, то ли мои родители не умели скрыть, что его они любят больше, чем меня. И поговорить с кем-то об этом было невозможно – все тут же решили бы, что я просто завидую брату черной завистью. Разве что Маркусу я мог излить душу – он-то хорошо знал, каков на самом деле Росс. Мы с ним иногда думали, что же служило причиной того, что учителя годами закрывали глаза на то, что творил Росс в нашей школе? Его успехи на спортивном поприще? Или они так же, как и мы, жили в страхе перед ним? Быть может,

его приспешники знали, какие грешки водятся за преподавателями и за учениками? Теперь об этом вряд ли можно было узнать – о мертвых плохо не говорят.

И вот мы сидели за столом и молча жевали свой стейк.

– Думаю, тебе не терпится поступить в университет, – сказала мама.

Неужели мое желание сбежать было настолько очевидным?

Однако, хотя я действительно считал часы до того момента, когда завершится моя попытка отпуском с родителями, я еще больше тревожился о том, что будет дальше, когда каникулы закончатся. Пожалуй, мне будет не так уж плохо на медицинском факультете – я же любил биологию, и мне было интересно, как устроен человек, надеялся я.

– Да ты сам себя убедить в этом не можешь, – подначивал меня Росс прошлой осенью. Кажется, это было сто лет назад. Впрочем, это действительно было еще в прошлой жизни.

Несмотря на его насмешки или, наоборот, благодаря им, я стал серьезнее относиться к подготовке. Собеседование я прошел на отлично. Мне предложили место на факультете с перспективой зачисления при условии, что я наберу на выпускных экзаменах три высших балла «А». Но мне всегда было некомфортно идти по стопам старшего брата. И вот на прошлое Рождество я наконец решил, что попрошу отсрочку на год, чтобы понять, действительно ли медицина – мое призвание.

А потом случилось несчастье.

Когда я вернулся в школу, сроки для зачисления в вуз уже почти заканчивались. Отец так гордился тем, что оба его сына станут врачами. Поступить в медицинский или, точнее, не отказаться от поступления туда – было самое малое, что я мог предпринять, чтобы оправдать надежды отца.

Накануне, когда я звонил в школу, чтобы узнать мои выпускные оценки, пока родители ожидали меня в холле отеля, у меня еще теплилась надежда на освобождение. Но нет, экзамены я сдал на высший балл.

Я понял, что так и не ответил на вопрос мамы.

– Да, конечно, жду не дождусь, – уверил ее я.

В конце концов, в университете у меня хотя бы будет секс. Если опираться на опыт Росса, студенты-медики только и делали, что занимались сексом с утра до вечера.

3

Сентябрь 1997 г.

ТЕСС

В первый учебный день Хоуп оказалось совсем несложно уговорить надеть форменную серую юбку, белую рубашку и голубой свитер. Она побежала к маме в комнату, чтобы поцеловать ее перед уходом.

– Обязательно сфотографируй ее, Тесс, – сказала мама.

Мы решили, что мама не пойдет с нами даже в первый день, потому что тогда для Хоуп это станет обязательным ритуалом. Кажется, Хоуп смирилась, что ее поведу я. Наверное, для нее это было очевидным решением – ведь еще не так давно я и сама ходила в школу. Я держалась изо всех сил, чтобы не расплакаться, но, когда мы выходили из дома, мама крикнула нам на прощание «Пока!», и я слышала в ее голосе слезы.

Мама и Хоуп были практически неразлучны. Когда родилась Хоуп, маме было сорок три. «Запоздалое решение», – говорила мама. Она никогда в жизни не сказала бы, что рождение Хоуп было незапланированной случайностью. Мы все к тому времени уже выросли, и у мамы с Хоуп наконец-то появилось время печь дома кексы, брать детские книжки в библиотеке. Большинство людей считали, что Хоуп – очень избалованный ребенок. Она была такой милашкой – с копной белокурых кудряшек, единственной малюткой в семье из пяти-шести взрослых, а если считать Трейси, подружку Брендана, то в семье из шестерых взрослых. Конечно, она была окружена вниманием. Нам всем нравилось держать ее на руках, играть с ней, смеяться. Говорили, что именно поэтому она слегка запаздывала в развитии – ведь за нее всегда все делали другие. Мама попыталась отдать Хоуп в садик, но та ни в какую не желала оставаться одна. К четырем годам она умела считать до тысячи, знала наизусть все возможные детские стихи и песенки; думаю, не каждый ребенок в ее возрасте может этим похвастаться.

Она пришла в школу почти с удовольствием и спокойно встала с другими ребятами в линейку на школьном дворе. Я ждала у ворот, крепко скрестив пальцы на удачу, от всего сердца молясь, чтобы все было хорошо и чтобы школа стала ее надежной защитой от всего, что нам предстояло пережить.

Эти несколько секунд идеальной тишины после звонка казались подарком, чудом, посланным тем самым Богом, от которого я напрасно отвернулась. Но тут знакомый звук разрушил иллюзию.

Мама поговаривала, что Хоуп своим появлением в семье распугала моих братьев. Никогда я не могла понять, шутит она или говорит серьезно, потому что потом она всегда добавляла, что к тому времени им уже пришла пора расправить крылья и покинуть родительский дом. У мамы было довольно резкое чувство юмора. Наверное, потому, что она была умна, но не уверена в себе и часто, сказав что-то всерьез, пыталась обратить это в шутку, если кто-то реагировал не так, как она ожидала.

Кевин уехал первым. Сначала в Лондон, поступив в колледж, а потом в Америку. Они с отцом не ладили, особенно после того, как Кевин отказался учиться на строительном факультете. Так что с его отъездом дышать в доме стало даже легче. Потом забеременела Трейси, и Брендан обрушил на нас новость, что они эмигрируют в Австралию. Ему всегда казалось, что он живет в тени Кевина. Так что и этот отъезд был к лучшему, а у Хоуп появилась собственная комната. И хотя теперь она жила не в моей комнате, в доме было по-прежнему очень шумно из-за нее. И я старалась как можно больше времени проводить в библиотеке, а

отец старался как можно больше времени проводить в пабе. А мама... а про маму говорили, что у нее ангельское терпение.

– Вполне естественно, что девочка беспокойная, – сказала миссис Коркоран, заведующая учебным отделением в школе Сент-Катбертс, – если в семье такая обстановка.

Она посоветовала, чтобы я сидела вместе с Хоуп на занятиях. Хоуп было бы спокойнее, что она не одна, а я могла бы помочь ей с малышами. Ассистентка учителя подготовительного класса ушла в декрет, и пара лишних рук в классе ей пришлась бы кстати.

Я обрадовалась возможности отвлечься от домашних проблем. Когда у тебя под прищелком тридцать четырехлеток, мысли в голове только о том, как успевать надевать и снимать пальтишки, шапки, перчатки, фартучки для рисования, спортивную форму, искать потерянные ботинки, помочь сходить в туалет, проверить, все ли вымыли руки, и выдавать яблоки на полдник.

Мама дома в основном спала под действием морфина. Кажется, если ты знаешь, что человек умрет через несколько недель или даже дней, ты будешь стараться успеть сказать ему все самое важное. Но на деле все не так. Наоборот, мы не торопились сказать и сделать все слишком быстро, чтобы не оказалось, что все уже сказано и все готово к прощанию и теперь нам остается только ждать.

Конечно, я говорила маме, что люблю ее. Сначала я говорила это каждый день. Потом я говорила это каждый раз, когда она засыпала или когда мне нужно было выйти из комнаты. В конце концов это стало совсем нелепо. Сложно представить, что фраза «я тебя люблю» вдруг станет пустой и потеряет свой смысл, правда?

Говорила я и другие важные слова:

– Не переживай за нас, мы справимся, у нас все будет хорошо.

– Конечно справитесь, – отвечала мама.

Мы никогда не говорили о том, с чем же, собственно, нам предстоит справляться, поскольку это бы подразумевало, что это все будет на *мне*.

Как-то мама взяла меня за руку и, глядя мне в глаза, твердо сказала:

– Ты должна пойти в университет.

– Конечно, не волнуйся.

Мы обе обошли очевидный и беспощадный вопрос: «Как?!»

Я помогла маме сделать «сундучок с воспоминаниями» для Хоуп. Мы обклеили обувную коробку обрезками ткани в мелкую клетку, оставшимися от штор, которые мама сшила для комнаты, переделанной из спальни для мальчиков в комнату Хоуп. На крышку мама приклеила квадрат с вышитым именем Хоуп яркими желтыми нитками. Коробка получилась очень красивая. Вот только сложно было решить, чем ее наполнить. У нас было не так уж много вещественных свидетельств о времени, которое мама и Хоуп провели вместе. Родители часто фотографируют своих первенцев в младенчестве, но с каждым последующим ребенком новизна этих впечатлений утрачивается и сходит на нет. Нам удалось отыскать отличную фотографию мамы с улыбающейся крошкой Хоуп на руках. Потом мама продиктовала мне рецепт любимых пирожных Хоуп. Еще мы записали кассету с посланием от мамы на детский магнитофон. И наконец, она сняла свой золотой крестик, который всегда носила на шее, и попросила меня положить его в коробку.

– Ты же не хочешь оставить его себе, правда, Тесс?

Я не знала, будет ли ей приятно, если я скажу, что хочу оставить его себе, или ей будет легче от того, что крестик будет у Хоуп. И мы положили крестик в коробку. Но вскоре Хоуп спросила, почему мама не носит свой крестик, и поскольку мы не хотели ей ничего говорить раньше, чем это будет необходимо, крестик пришлось надеть обратно, а коробку снова спрятать под кровать. Пару раз мама спрашивала, нет ли у нас еще чего-то, что можно положить в коробку.

– Может быть, диск с лучшими хитами группы «АББА»? Она очень любит ту песню, где подпевают дети...

И я втайне жалела, что мы вообще придумали эту затею или не выбрали коробку поменьше, потому что эта была слишком велика для тех немногих свидетельств маминой любви, что мы могли в нее положить.

Пока мы занимались рукоделием, как настоящие леди Викторианской эпохи, и были обе заняты делом, я улучила момент попросить ее кое о чем. Если существует жизнь после смерти, может, она постарается и как-то подаст мне знак, чтобы я знала, что она есть.

Мама рассмеялась:

– Я не могу дать тебе веру, Тесс. Этот шаг ты должна сделать сама. А все остальное приложится.

– Но, пожалуйста, ты же можешь попытаться дать мне какой-нибудь знак?

– Ох, если бы ты все свое воображение пустила не на сомнения, а на веру... – ответила мама, и то, как она это произнесла, обратило ее слова не в критику, а почти в комплимент.

Брендан и Кевин прилетели с противоположных концов света. Оба в костюмах. Брендан был воплощением успеха, но он не понимал, как совместить свое ощущение триумфального возвращения блудного сына и трагичность повода – неизбежного семейного горя. Кевин – холеный щеголь в коричневых ботинках-брогах и светло-серых узких брюках, которые выгодно подчеркивали его мускулистые икры, – был готов без конца говорить о проблемах. Своих, конечно, не маминых.

После посещения мамы в хосписе отец и двое моих братьев отправились в паб. Вернулись оттуда поздно, пропахшие пивом, но удивительно веселые.

– Как в старые добрые времена, – вздохнул отец, обнимая стоявших справа и слева от него сыновей, как будто вспоминая старую милую традицию, которой на самом деле никогда не было.

Когда наступил конец, я была одна возле маминой кровати. Я не знаю, хотела ли она, чтобы это было именно так, или у нее просто не хватило времени попрощаться с каждым в отдельности. Казалось, она ждала, когда все ее дети соберутся вместе, а потом поспешила уйти. Или, может быть, она думала, что мальчикам нужно было как можно скорее вернуться на работу. Мама всегда ставила нужды других выше своих собственных.

Шторы вокруг кровати создавали иллюзию уединения, но мы отлично слышали все, что говорили другие с той стороны занавески.

– Как думаете, я успею сбежать за кофе? – спросил Брендан.

Наверное, я должна быть благодарна ему за то, что он дал повод в последний раз увидеть ее слабую улыбку, адресованную только мне.

«Подумать только!» – как будто пыталась сказать мне мама.

Вот она тут, со мной, а мгновение спустя свет в ее глазах погас.

Я думала, что готова к ее уходу, но когда осознала, что она действительно умерла, то испытала такой шок, как будто это случилось неожиданно. Я сидела и держала ее за руку, пока не почувствовала, что больше нельзя быть с ней наедине и пора звать остальных.

Мужчины сразу ударились в слезы. Я – нет. Все их похмельные всхлипы разбивались о мой невидимый кокон, внутри которого я была одна и все мои эмоции, чувства и мысли были парализованы. Хоуп их поведение тоже не понравилось, и она закричала, чтобы они прекратили.

– Тссс! – сказала она, прислонив палец к губам. – Мама спит!

Я велела ей поцеловать маму на прощание и отвела Хоуп в больничное кафе, где купила ей сосисок, картошки фри и целый пакетик мармеладных мишек, чем немало ее удивила.

Вечером, когда я укладывала Хоуп спать, она спросила меня, в котором часу мы завтра идем к маме (мы с ней в школе как раз проходили часы и практиковались в умении определять по ним время). Я ответила, что мамы больше нет, она улетела в рай.

– Зачем?

– Увидеть ангелов, – на ходу придумала я.

– И еще Иисуса, – добавила Хоуп.

– Да.

– И бабушку, и дедушку, и принцессу Диану, и мать Терезу... – Хоуп перечислила всех, за кого они с мамой вместе молились.

Раньше я не могла понять, зачем люди придумали рай. Но теперь мне, кажется, стало понятно. Может, это был знак?

Я подождала, пока Хоуп затихнет и уснет, и потихоньку пошла к двери.

– Три?

– Что?

– Когда мама вернется?

Что я должна была ответить?

– Мама не вернется, Хоуп. Но она по-прежнему любит нас.

– Она никогда не перестанет любить нас, – проговорила Хоуп.

И хотя в комнате было темно, я точно знала, что она не плачет. Для Хоуп это было простым и очевидным фактом, потому что мама так сказала. Мама так сказала, и ее голос будет повторять это снова и снова, голос на кассете детского магнитофона.

Многие наши родственники из Ирландии приехали на похороны, хотя при жизни мамы ни разу нас не навестили. Когда она в семидесятые вышла замуж за папу и уехала в Англию, братья и сестры отвернулись от нее, потому что по традиции она как старшая сестра должна была остаться рядом с отцом и присматривать за ним, поскольку их мать рано умерла. Я имела смутные воспоминания о дядях и тетушках в Ирландии. Помню, как мы пили чай из парадного фарфора в холодных гостиных в те скучные дни наших ирландских каникул, когда семья должна была наносить официальные визиты родне. Никто из них ни разу не видел Хоуп, но все считали, что родственные узы дают им право гладить девочку по головке и сгребать ее в слезные объятия, которые ей явно не нравились.

– Хватит с меня нежностей! – крикнула Хоуп, напрягшись словно струна.

– Ну и характер, а? – сказала мамина сестра Катриона и добавила громким трагическим шепотом: – Тебе теперь придется внимательно следить за ней и за собой, потому что это – наследственное. Теперь этот груз над всеми нами.

И хотя мама умерла, я чувствовала, что даже в том, что в семье оказался рак, та пыталась обвинить свою сестру.

Я не хотела брать на похороны Хоуп, но отец и Брендан настаивали, что она должна пойти с нами. Кевин же заявил, что его мнение все равно никого не интересует, и таким образом отвертелся от ответа. Так что я осталась в меньшинстве. И я была уверена, что мама была бы на моей стороне.

– Она что, тебе сама об этом сказала? – грубо спросил отец.

– Нет.

Это был один из тех вопросов, который следовало с ней обсудить. Так глупо. У нас оставалась масса времени для разговоров, но мы ни разу не обсудили, чего бы она хотела или не хотела для своих похорон.

– Ну и все, – отрезал отец.

Хоуп держалась хорошо. Она медленно покачивалась в такт музыке – органист играл какую-то вольную обработку песни «I have a dream» группы «ABBA», пока мы заходили в зал. Она стояла между мной и отцом, пока мы пели любимый мамин церковный гимн. Потом

мы все воздали хвалу Господу, и Хоуп вторила молитве. Отец тем временем поглядывал на меня, словно говоря: «Я знал, все будет нормально!»

Я думаю, Хоуп даже не замечала присутствие гроба, пока Брендан не поднялся, чтобы прочесть свое стихотворение. Сейчас я жалею, что ни я, ни Кевин не остановили его тогда. Пожалуй, мы с ним были оба так шокированы тем, что Брендан вообще умеет слагать рифмы, так что мысль посмотреть стихотворение заранее даже не посетила нас. И еще нам, наверное, было обоим стыдно, что мы сами не додумались написать в мамину честь стихи.

Если открыть местную газету на странице некрологов, можно понять, что часто набор слов и рифм вообще не несет смысла или их смысл понятен только автору строк. В стихах Брендана рифма была такая:

*Ты нам готовила рагу,
Теперь же ты лежишь в гробу.*

Рифма привлекла внимание Хоуп.

– В гробу? – повторила она, и голос ее зазвенел в тишине.

– Тссс! – прошипел папа.

– Три, мама что, в гробу?

– Хоуп, пожалуйста, сиди тихо, мы в церкви.

Раньше, когда это говорила мама, Хоуп моментально успокаивалась, но моему голосу, видимо, не хватало убедительности.

– Мама в раю с Иисусом! – заявила Хоуп.

К нам потихоньку подошел отец Майкл.

– Тело твоей матери в гробу, Хоуп, но ее душа улетела в рай, – прошептал он нам в лицо, обдав неприятным запахом.

Крик был пронзительным и не смолкал, пока я неслась брыкающуюся Хоуп к выходу. Как мог ребенок в таком возрасте понять, что душа и тело могут быть отдельно друг от друга? Надо было доверять своей интуиции. Ребенку на похоронах не место. Я же знала это. И хуже всего то, что я не оправдала маминого доверия.

Стоял погожий сентябрьский день. Ветер гнал по небу редкие облака, листва на деревьях была едва тронута медью. День был слишком хорош для плохого настроения. Хоуп успокоилась, как только мы вышли на улицу, и стала вырываться из рук, чтобы встать на ноги. На тротуаре валялись резные конфетти – розовые подковки, белые бабочки, желтые сердечки. Хоуп поскакала вприпрыжку по дороге, догоняя опадающие листья. Я стояла, наблюдая за ней, и думала, что если ей удастся поймать листок, то это будет знак. Конечно, она не поймала. Осенние листья имеют особенность ускользать, как только ты приблизишься к ним, да и координация движений у Хоуп была не на высоте. И пока ее огорчение не перешло в ярость, я поспешила отвести ее в «Макдоналдс» за мороженым.

Так что мы не имели возможности послушать банальности отца Майкла о том, какой верной женой и достойной матерью была мама, не слышали, как включили песню Шарлотты Черч, не увидели, как гроб опустили в землю. Интересно, не потому ли я до сих пор иногда вижу маму во сне, просыпаясь с радостным ощущением, что все это был лишь сон. С мыслью «Я знала, что этого не могло быть!» – которая через секунду сменяется осознанием печальной реальности.

Маму любили в церковном приходе, и ее подруги взяли на себя организацию поминок в зале для собраний при церкви. На небольшой кухне у сцены собрались женщины в фартуках, распаковывая блюда и подносы с домашними сэндвичами, мини-пирогам, пирожными и печеньем, сосисками в тесте. Другие женщины сутились с чайниками, используемыми обычно на рождественских ярмарках, и разливали женщинам шерри и виски мужчинам. Так

что вскоре скорбный дух сменился всеобщим оживлением, люди начали рассказывать друг другу разные истории. Мамина сестра Катриона рассказала, что, получив известие о смерти мамы, она пошла в комнату, где та жила в детстве, и ощутила очень сильный аромат. Вы знаете, говорят, что, когда усопшие возвращаются, они приносят с собой аромат? И на секунду она была уверена, что Мэри вернулась к ней, но потом вспомнила, что сама же установила в комнате освежитель воздуха, поскольку в нежилом помещении воздух становится затхлым.

Папа всякого, кто готов был слушать, кормил историей о том, как они с мамой познакомились. Он приехал в Ирландию на похороны бабушки и увидел маму посреди толпы собравшихся. И ее глаза сияли любовью.

Эти слова «сияли любовью» напомнили мне о последней секунде перед маминой кончиной. Они хорошо описывали ее взгляд. Да, папа иногда мог удивить. Порой, глядя на него, я думала: что могло привлечь в нем такую мягкую и умную женщину, как моя мама? Но иногда вдруг в нем проявлялось что-то удивительное, и я начинала понимать.

– Мы встретились на поминках и на поминках прощаемся! – Эта заключительная фраза становилась с каждым часом все более слезливой.

И тогда люди брали его за руку и говорили что-то вроде:

– Джим, такова жизнь.

Или:

– У тебя осталось о ней так много счастливых воспоминаний.

– О, она была прекрасной женой! – отвечал он. И это была чистая правда, только я ни разу не слышала этого от него при жизни мамы.

Не думаю, что ей он был таким же прекрасным мужем, но мама никогда не жаловалась.

– У папы много проблем.

Или:

– Папа много работает, чтобы прокормить нас. – Таковы были обычные мамы оправдания того, что он больше времени проводит на скачках и в пабе, чем дома. Правда, мы от его отсутствия сильно не страдали – с его появлением в доме всегда воцарялось чувство опасности.

– Это все выпивка, он на самом деле не такой. – Она защищала папу даже после того ужасного вечера, когда выяснилось, что мама тайком оплачивала для Кевина балетную школу из денег на продукты. Брендану пришлось тогда прыгнуть сзади на отца и повалить его на пол, чтобы удержать, а я выбежала на улицу и стала кричать, чтобы соседи вызвали полицию – я боялась, что отец просто убьет их.

Когда стемнело, поминки уже напоминали вечеринку – царило подкрепленное алкоголем веселье, как на свадьбе, где собрались давно не видевшиеся родственники. Кевин выдвинул на сцену пианино и сыграл свою знаменитую «Дэнни бой» – песенку, которую он наверняка играл на вечеринках в Нью-Йорке в День святого Патрика, поскольку в Америке этот праздник отмечают даже больше, чем в Ирландии. Пел Кевин, правда, не так хорошо, как танцевал, но, во всяком случае, вытянуть мелодию он мог вполне прилично, так что после наступившей от удивления тишины зал разразился аплодисментами и комплиментами в духе «твоя мама так гордилась бы тобой сейчас».

– Спой нам, Джим, – предложил кто-то.

Поломавшись для приличия с секунду, отец согласился:

– Ох, ну как с вами сладить, – и, забравшись на сцену, облокотился на пианино и затянул под аккомпанемент Кевина «I will love you» – романтическую песню ирландских братьев Фури.

После этого в зале не осталось ни одного человека, кто не лил бы слезы. Для меня дело было даже не в словах, а в том, что Кевин и папа были рядом, и мама, несомненно, была

бы счастлива видеть их вместе. Все замолкли и задумались. И вдруг рядом со мной чей-то тонкий, но сильный и чистый голос запел:

*Звездочка, блести, блести.
Высоко на небе ты,
Ты сияешь как алмаз,
Даже краше во сто раз.
Как хочу к тебе туда,
Ты блести, блести, звезда.*

Было в серьезном выражении лица Хоуп, ее приземистой фигурке и заученном детском танце что-то нелепое, но тем не менее это было так трогательно.

Когда она закончила петь, все захлопали, но, в отличие от отца и Кевина, она не требовала внимания. Она даже не заметила, что кто-то ее слушал.

– Ну а ты, Тереза? – крикнула мне тетя Катриона. – Мы еще не слышали тебя.

Наверное, она всего лишь хотела дать мне шанс выступить, но мне показалось, она меня упрекает в том, что я не хочу участвовать в поминках.

– Я не умею петь, – отказалась я.

– Это ничего, Три, – вмешалась Хоуп, – у каждого есть сильные и слабые стороны.

Это было настолько в мамином духе, что все засмеялись. Кроме Хоуп.

– Хорошо. Я прочту любимое стихотворение мамы, – сказала я и подумала, почему же мне не пришло в голову включить его в прощальную речь на похоронах.

*Озерный остров Иннисфри
Встану да и поеду в Иннисфри.
Там хижину себе с плетнем сооружу погожим днем;
Вскопаю грядки для фасоли и улей пчелам подарю,
Под их жужжанье буду жить без страха и без боли.
Спокойно буду жить в плену у тишины...⁸*

В то время как я читала их, размеренно и четко, стараясь скрыть дрожь в голосе, я думала, что, может быть, мама жаждала этого покоя и уединения вдали от шумного хаоса нашего дома. И когда я смотрела на лица наших родственников и друзей, я видела, что мы все сейчас думаем об одном – это стихотворение описывает тот самый рай, которого мама желала. И ее ранний уход из жизни стал казаться чуть менее несправедливым. Наверное, поэтому люди говорят, что поэзия утешает.

Когда я закончила читать, в зале воцарилась тишина.

– Нам пора спать, – сказала я Хоуп, воспользовавшись возможностью уйти с вечеринки до того, как они опять начнут петь и пить и пока взаимопонимание между родственниками не сменилось обидами.

Когда я купала Хоуп, она увидела в углу окна ванной бабочку. Светло-желтую, с одиночными черными пятнышками на каждом крыле. Капустницу.

– Хочет на волю, – произнесла Хоуп.

И я, не задумываясь, открыла окно и выпустила бабочку в сумерки уходящего дня.

И только снова склонившись над Хоуп, я подумала: а как же эта бабочка попала в ванную? В глубине заднего двора росла буддлея, она привлекала бабочек летом. Но обычно это

⁸ Отрывок из стихотворения У. Б. Йейтса «The lake Isle of Innisfree» в переводе Л. Вершинина.

были оранжевые крапивницы, и в дом они ни разу не залетали. Да и не лето уже. Разве они в это время еще встречаются? Может быть, она залетела погреться?

Или бабочка была тем самым знаком, о котором я просила маму перед ее уходом, а я взяла и выгнала ее на холодную улицу.

На следующее утро, пока отец еще храпел в спальне, а Хоуп смотрела «Телепузиков», Брендан пришел из гостиницы и сообщил, что Кевин уже уехал в аэропорт.

Как выяснилось, вчера на поминках, часа через два после нашего ухода, разразился скандал. Кевин набрался храбрости и сообщил, что Шон, человек, который живет с ним в одном номере в гостинице, – это вовсе не коллега, который приехал с ним в командировку, а его партнер, с которым он живет уже два года, партнер, в слезах кричал он, которого он даже не может представить своей семье на похоронах матери!

То, что Кевин оказался геем, не было шоком для меня и Брендана (да и для отца, по правде говоря, тоже вряд ли – он всегда с подозрением относился к увлечению Кевина танцами). Но заявить об этом на похоронах было уж слишком.

Папа, теперь уже дважды несчастный, воззвал к отцу Майклу:

– Я потерял жену и сына в один день!

Ну и Кевин получил возможность выложить все претензии, копившиеся у него с подросткового возраста. Что удивительно, но вечер спас именно Шон, который, услышав по телефону воинственный бред Кевина, приехал на такси и увез его в гостиницу.

– Похоже, он хороший парень, – закончил историю Брендан.

У меня была мысль, что, сознательно или нет, Кевин сам создал возможность драматичного исхода, чтобы улизнуть от тягостных семейных обязательств. Все-таки он был склонен к театральности. Или ему просто не приходило в голову, как, впрочем, и Брендану, что у нас троих на попечении оставались младшая сестра неполных пяти лет и пьющий отец.

– Я хотела обсудить с тобой, что делать дальше с Хоуп, – попыталась я хотя бы начать разговор.

– Она быстро обо всем забудет, вот увидишь, – ответил Брендан.

У него самого было двое маленьких детей, и он знал, о чем говорил. И он жил на другом конце света. Да чего я вообще от него ожидала? Но хоть кто-то бы мог спросить, каково теперь мне.

До последнего момента я тянула с отказом от университета. И не потому, что забыла или мне было некогда, я просто надеялась на какое-нибудь чудо.

Я дождалась, пока отец повезет Брендана в аэропорт. Наконец-то оказалась дома одна.

Женщина, взявшая трубку в отделе по устройству в общежития, практически накричала на меня:

– Вы не могли раньше сообщить?

– У меня умерла мама, я была занята похоронами, – сказала я.

– Простите.

Я еще не научилась реагировать на такие слова. «Ничего страшного», «все нормально» – были какие-то неправильные фразы.

– Вы не виноваты, – ответила я. И это тоже было неправильно.

Повисла неловкая пауза.

– Боюсь, мы не сможем вернуть вам депозит, если на вашу комнату не найдется другой желающий, – наконец сказала она. – И сейчас, скажу вам честно, это вряд ли случится. Конечно, я дам вам знать, если что-то изменится.

– Спасибо.

Я положила трубку. И вот только тогда расплакалась. Разрыдалась. Эгоистично, да? Но это был не только конец моей мечты. Это была наша с мамой общая мечта. Мы с ней так долго к этому готовились.

Не знаю, сколько я проплакала, сидя на опустевшей без мамы кухне, но потом слезы высохли, и я увидела перед собой тарелку с надписью: «Сегодня – первый день твоей новой жизни».

В книгах пишут, что, если маленький ребенок потерял родителя, ни в коем случае нельзя менять привычный образ жизни. Кажется, перемены должны отвлечь его, но, оказывается, это не так. У ребенка и так уже многое изменилось. Ребенку в такой ситуации нужна стабильность. Видимо, поэтому Хоуп так отнеслась к тарелке.

Я сняла ее и убрала в шкаф. Но, едва войдя на кухню, Хоуп заметила ее отсутствие и потребовала вернуть тарелку на место. И она так и осталась на полке с сувенирами. Иногда она вызывала во мне грусть, иногда тоску, а иногда такую злость, что хотелось разбить ее вдребезги. Кажется, я пережила с ней все стадии горя, как их описывают в учебниках.

4

Сентябрь 1997 г.

ГУС

Трудно выглядеть независимым и крутым, когда за тобой семенит мама, неся в руках охапку очень нужных в быту вещей, которые, конечно же, выбрала она сама: диванные подушечки, аптечку, настольный органайзер и туалетный ершик в керамической подставке.

Когда все это было наконец свалено посреди моей комнаты, мы втроем застыли в неловкой паузе. Это была обычная комната с одной кроватью, встроенным шкафом и письменным столом, предпоследняя в длинном коридоре таких же комнат, стоявших с раскрытыми дверями в ожидании новых обитателей. Она располагалась на третьем этаже пятиэтажного общежития, так что никаких особенных видов из окна, как в рекламных проспектах университета, конечно, не открывалось. Но зато она находилась далеко от дороги. Мы с отцом молча смотрели в окно на ветви двух больших деревьев, листья на которых уже начинали буреть.

– Ну хотя бы не первый этаж, – сказала мама. – Давайте-ка разложим вещи.

Мы с отцом обменялись взглядами – редкий момент нашего взаимопонимания.

– Думаю, Ангус хотел бы здесь все обустроить по-своему, – сказал он, мягко, но настойчиво уводя маму из комнаты.

– О! – Ее глаза вдруг наполнились слезами. Она не ожидала, что так быстро придется попрощаться со мной. – Ну, может быть, мы хотя бы вместе пообедаем?

Я подумал, что это никогда не закончится. При мысли о том, что я буду ходить с родителями по всем окрестным кафе, изучать меню, слушать, как отец громко читает вслух названия блюд, предварительно натянув на нос очки, у меня все холодело внутри. Но я промолчал. Мне было проще пережить пару часов публичного унижения, чем расстаться с родителями с осознанием собственной вины за грубое поведение.

Отец взглянул на часы.

– У нас осталось двадцать минут бесплатной парковки, машину мы оставили у супермаркета.

– Ну что ж. – Мама встала на цыпочки, чтобы чмокнуть меня в щеку. Потом посмотрела на меня, стоя прямо передо мной, словно оценивая. И как всегда, мне показалось, что меня слегка недооценивают.

За маминой спиной я увидел девушку с розовыми волосами и рюкзаком за спиной, она остановилась напротив входа в мою комнату, сверила номер на бумажке в руках с номером на двери и прошла дальше.

Я думал, что теперь папа пожмет мне руку, как равному, но вместо этого он неожиданно откуда-то достал оранжевый пакет:

– Чтобы парковка была бесплатная, нужно было потратить хотя бы пять фунтов...

В пакете оказалась бутылка шампанского.

– Но это... – Я хотел было сказать, что это стоит гораздо больше пяти фунтов. – Просто круто!

– Не пей все залпом!

И видя, как он радуется, что его сюрприз удался, я вдруг вспомнил: а ведь папа раньше умел веселиться.

Мы вместе спустились в холл.

– Ключи взял?

– Да!

– Это начало новой жизни... – начала мама, но умолкла. Я знал, что она сейчас подумала о том, что у Росса этой новой жизни уже не будет.

– Ну, не подкачай! – сказал папа.

– На этот счет у меня нет других вариантов, – проговорил я, и папа, кажется, остался доволен ответом.

Я смотрел, как они уходят, и думал о том, как странно смотрятся на фоне городских граффити ее строгое бежевое пальто и его блейзер. Потом я вернулся в комнату, которая вдруг показалась мне такой пустой. Освободившись от душных оков родительского горя, я надеялся обрести себя самого, свое «я», но оказалось, что внутри у меня пустота.

Девушка с розовыми волосами приклеивала липкой лентой размашистую надпись на свою дверь: «Комната Нэш».

– Какой-то казенный дом, скажи? – произнесла она, распахнув передо мной дверь своей комнаты. У нее было еще одно окно – комната была угловая. Она уже повесила у себя какой-то мобиль с зеркальцами, и многочисленные солнечные зайчики метались по грязному бежевому ковру.

– Представляешь, как мне повезло? – сказала она. – Еще вчера у меня не было резерва на комнату в общежитии, но кто-то отказался от нее в последнюю минуту. Кстати, меня зовут Нэш, что-то вроде сокращения от «Наташа».

Я кивнул в сторону таблички на ее двери.

– Ну! – Она нарочито откинула назад свои розовые волосы, и я, видимо, должен был что-то ответить.

– Ангус, – представился я.

– Да ладно!

Неужели у меня было такое уж необычное имя?

– Похоже на шотландское имя, – пояснила она, видимо намекая, что у меня нет шотландского акцента.

– Папа родом из Шотландии.

– Ну и как мне тебя звать?

Судя по всему, звать Ангусом она меня не собиралась.

В школе мы обращались друг к другу по фамилии. Моя фамилия была Макдоналд, так что обычно меня звали либо Мак, либо просто Фермер⁹. Естественно, посвящать ее в такие тонкости я не собирался.

– Может, Гус? – предложила она.

Меня никто еще не звал Гусом. Мне это имя понравилось. Новое имя для нового меня.

– Отлично, – быстро согласился я и протянул руку, чтобы скрепить наше решение рукопожатием.

– Какой у тебя рост?

Люди без стеснения спрашивают у высокого человека про рост, хотя им и в голову не придет задать такой же вопрос коротышке или спросить толстяка, сколько он весит.

– Метр девяносто три, – сказал я, но не смог придумать, что спросить в ответ.

– Я бы предложила тебе кофе, только у меня его нет, – заявила девушка.

– Может, лучше шампанского? – услышал я свой голос.

– Спрашиваешь!

Папа содрогнулся бы, узнав, что я откупорил бутылку еще до ужина и разлил теплое шампанское по чайным кружкам, но от этого оно было еще вкуснее.

– Детка, да мы с тобой настоящая богема! – сказала Нэш.

⁹ От известной английской песенки про старого Макдоналда, у которого была ферма.

Она напоминала Салли Боулс из мюзикла «Кабаре». Нет, не то чтобы она была внешне похожа на Лайзу Миннелли, в ее-то бесформенном комбинезоне и кедах без шнурков, но было в ней что-то нарочито эксцентричное. Я подумал, что наверняка кажусь ей невинным пареньком, приехавшим в большой город, как Майкл Йорк. Или, может быть, даже геем.

– Ты на каком факультете? – спросил я, сам понимая, насколько я банален.

– Отгадай! – ответила она, растянувшись на своей кровати, которую она уже успела заправить черным постельным бельем и красным покрывалом. Над изголовьем у нее висел постер с Че Геварой.

– Политология?

На ее лице отразилось изумление.

– Вообще-то литературно-театральный. – Она пристально на меня посмотрела: – А ты на психологическом?

Ну, если она видела меня таким, то это мне льстило. Я был не против выглядеть студентом с психологического факультета.

– Медицинский.

– О, ты, наверное, очень умный.

– Да не очень.

– А я буду актрисой, – объявила она.

Я же, наверное слегка рисуясь и желая напустить на себя таинственности, ответил:

– А я не знаю, кем хочу быть.

Она рассмеялась.

– Что смешного?

– Это же очевидно. Ты будешь врачом!

Услышав это от человека, который видит меня впервые в жизни в том месте, где я должен был найти себя, я понял, что судьба моя неизбежна. На меня накатила безысходность. Я вылил остатки шампанского в кружку и выпил его одним махом, как лимонад.

– Слушай, может, все-таки пора поесть? – спросила Нэш, вдруг оказавшись не только трезвее, но и рассудительнее меня.

Ближайший к нам ресторан был греческий. Кухня там открывалась только в шесть, но официант сказал, что мы можем посидеть за столиком и заказать напитки. Нэш бывала в Греции, она предложила заказать рецину. Вино было кислым, с хвойным привкусом и вызывало ассоциации с сосновым освежителем в туалете.

Нэш была очень прямолинейна:

– За кого ты голосовал?

Мы, родившиеся в 1979-м, были поколением Маргарет Тэтчер. Мы не знали ничего, кроме режима правления Консервативной партии. И вот, в мае этого года, страну захлестнула волна перемен.

– Я не интересуюсь политикой, – попытался я увильнуть от ответа. Потому что на самом деле я вообще не ходил голосовать.

– Значит, ты из консерваторов. Тори, – заявила Нэш. – Если ты не готов изменить свой статус-кво...

Я никогда не думал об этом в таком ключе. Мне вообще с детства внушили, что вопросов о политике следует избегать в беседах.

– Футбол или регби? – не унималась она.

– Футбол и бег.

– Значит, ты – мальчик из богатой семьи, который не вполне вписывался в рамки частной школы, – заключила она и махнула салфеткой в сторону официанта, накрывавшего стол.

То, с какой легкостью она меня вычислила, было неприятно.

– Спорим, твой папа – врач?

– Стоматолог.

– Значит, неудавшийся хирург. Еще хуже!

Мне никогда не приходило в голову, что неудержимое желание отца выучить обоих сыновей на врачей-хирургов было, в сущности, его собственной нереализованной мечтой. Интересно, у него не хватило баллов, чтобы продолжить учебу на хирургическом? Нэш была либо очень проницательной, либо просто невероятной хамкой.

– Что будем заказывать? – спросила она, просматривая меню. – Кстати, я вегетарианка. Свои заявления она делала так, словно ожидала от меня нападок и возражений.

Единственное греческое блюдо, которое я пробовал, – мусака. И эта мусака ничем не отличалась от других непонятных запеканок, которыми нас регулярно кормили в школе. Так что право выбрать блюдо я оставил за ней. Официант принес нам блюдечки с масляной заливкой, ломти резинового жареного сыра и корзиночки с восхитительной теплой питой, которая отбила неприятный вкус рецины и позволила мне согласиться на графин домашнего красного вина.

Остаток вечера я помню смутно. Кажется, мы ссорились, смеялись, плакали. Родители Нэш были в разводе, отец дважды успел жениться после развода, а мать жила с женщиной. У Нэш была целая толпа сводных братьев и сестер, разбросанных по миру. Она говорила, что ее отец – мерзавец, но в действительности очень скучала по нему. И когда я понял, что эта эксцентричная и броская особа на самом деле ранимая и неприкаянная девушка, я наконец расслабился в ее обществе.

– Ну а что с твоей семьей? – спросила она.

– Ничего особенного.

– Звучит интригующе!

– А может быть, просто банально?

– Братья-сестры есть?

На секунду я растерялся.

– Нет.

Росс, это же, в общем, правда.

– Слушай, – быстро добавил я, – не хочу, чтобы обо мне судили по тому, из какой я семьи и откуда родом. Я всегда был аутсайдером в школе и в своей семье тоже. А теперь у меня есть шанс быть тем, кто я есть на самом деле.

– Ну и кто же ты на самом деле? – спросила она.

– Понятия не имею.

Нэш подумала, что я шучу.

Утром я проснулся в одежде, но чувствовал себя прекрасно. Пока не попытался встать и не обнаружил, что вместо головы у меня – чугунный котелок, в котором бултыхается голый мозг, ударяясь об него при малейшем движении. ... Я взвесил варианты: нырнуть обратно под одеяло или пойти на пробежку и выветрить остатки алкоголя.

Посреди нераспакованных вещей я нашел мешок со спортивной формой. Потом в панике начал искать ключи и, к своему удивлению, обнаружил их в дверном замке с внутренней стороны, хотя не мог вспомнить, чтобы оставлял их там. Я вообще не мог вспомнить, как вернулся домой, но потом, выйдя на улицу и начав легкий бег, заметил, как в голове начинают всплывать какие-то картинки вчерашнего вечера. И все они были ужасно нелепыми. Неужели я правда запутался волосами в искусственной виноградной лозе, украшавшей потолок ресторана, когда встал, чтобы пойти в туалет? Неужели мы действительно били тарелки и танцевали в хороводе на какой-то свадьбе?

Тротуары были залиты грязными лужами, грязь впитывалась в белую подкладку моих кроссовок, но дождь приятно охлаждал меня, действовал освежающе. Волосы насквозь промокли, ручейки бежали по лицу.

Улицы были почти пустыми, только изредка мимо проезжал с плеском автобус. Я понятия не имел, куда направляюсь, но на большом перекрестке решил повернуть налево, в более respectable район. У паба были выставлены столики на улице, в горшках на них красовалась побитая мокрая герань. В газетном киоске только начали раскладывать на прилавке свежую прессу. Просмотрев местный справочник, я убедился, что пробежал три квартала от своего общежития и направляюсь обратно к нему. Оставалось пробежать меньше мили. Я купил пинту молока. Пока я трусил обратно, дождь почти закончился и мое похмелье выветрилось.

В мужском душе здоровенный накачанный парень энергично вытирался полотенцем – у нас в школе так выделялись регбисты, чтобы всем в раздевалке был виден размер их мускулов и членов.

Он выразительно уставился на мои грязные кроссовки.

– Надрался вчера. Пришлось пойти на пробежку, чтобы проветриться, – пояснил я, и в лице качка явно прочиталось некоторое уважение ко мне.

В комнате я нашел новенький чайник в коробке, подписанной «кухня». Там же была огромная банка дорогого растворимого кофе, упаковка сухих сливок и несколько банок тушеной фасоли. Мама позаботилась обо всем, и теперь мне было стыдно, что я лишил ее удовольствия самой распаковать вещи и навести порядок в моем новом жилье.

Я уже стоял перед дверью Нэш с двумя кружками кофе в руках, как вдруг вспомнил еще кое-что.

Мы целовались? Да, точно. Прямо тут, перед дверью. Сначала робко, а потом врасплох. После она посмотрела на меня влажными глазами и спросила, не хочу ли я зайти. И было ясно: если я зайду, у нас будет секс. Но я промямлил что-то вроде «это не очень хорошая идея».

Нэш была не в моем вкусе. Хотя я до этого вообще понятия не имел, что у меня в отношении девушек есть какой-то вкус.

Я сам выпил обе кружки кофе, а потом пошел на вводное занятие медицинского факультета.

От группы собравшихся новичков словно исходило напряжение. Студент, стоявший ближе всех к двери, толкнул ее, и она оказалась не запертой; все нервно рассмеялись.

– Ваш первый урок на пути к самостоятельности, – съязвил лектор с кафедры, пока мы рассаживались в аудитории, исподтишка оглядываясь друг на друга, снимают ли другие пальто и достают ли тетради.

Среди собравшихся я узнал пару человек со дня собеседования. Парень в очках сухо кивнул в ответ, девушка в платке смутилась и отвела взгляд.

– Как думаешь, кто из нас упадет в обморок в анатомичке? – шепнул парень, сидевший сбоку от меня.

Я легонько указал на блондинку, сидевшую перед нами. Она тут же обернулась, как будто почувствовала движение с моей стороны. Она была симпатичная – такая классическая англичанка. Наши взгляды на мгновение пересеклись, и я почувствовал, что заливаюсь краской.

На перемене мы оказались за одним столиком в кафе. Ее звали Люси, а моего соседа – Тоби.

Если бы я зашел в аудиторию на секунду позже и сел на другой ряд, то, вероятно, познакомился бы с другими людьми. Или все-таки все предопределено? И нам с Люси было суждено встретиться и оказаться за одним столиком в кафе? А если бы я сел рядом с тем парнем в очках, с Джонатаном, то все студенческие годы провел бы за шахматной доской и, как и он, стал бы известным онкологом? Нам кажется, что мы сами выбираем друзей, но, возможно, все это лишь стечение обстоятельств.

В анатомичку нас повели в первую же неделю. Думаю, просто решили не откладывать столь важный момент. В коридоре перед входом все галдели, но как только мы вошли в анатомический театр, все притихли. Воздух густо пах химическими реагентами.

Я пытался представить себе разные лица, когда вскрывали мешок, и в моем воображении все они были стариками. Но перед нами оказался молодой парень со сбитой частью лица в том месте, где череп ударился об асфальт, когда его велосипед сбил грузовик.

Тоби стоял рядом. Он рухнул в обморок. Я помог вынести его в коридор, положить так, чтобы ноги были выше головы, оперев их о стул, и сидел рядом, делая вид, что я совершенно спокоен, пока он не пришел в себя и не решил вернуться обратно. К тому времени студентам нашей группы уже разрешили трогать труп и демонстрировали, какие органы доступны для хирургического вмешательства. Лектор успокоил нас, что практические занятия на трупах начнутся не раньше второго семестра и у нас еще будет возможность свыкнуться с обстановкой.

– Ты как? – спросила меня Люси, пока мы стояли в очереди в столовой.

Она была так обеспокоена, что я подумал, не заметила ли она мое состояние, когда выносили Тоби. Она была такая милая и симпатичная, что я даже хотел ей рассказать про Росса, чтобы она прониклась ко мне еще большим сочувствием, чем к бедняге Тоби. Но я сдержался, Мне не хотелось, чтобы мои новые друзья старались обходить со мной какие-то темы в разговорах.

Я всю свою жизнь провел в твоей тени, Росс. Но больше этого не будет.

5

*Декабрь 1997 г.
ТЕСС*

В рождественской постановке Хоуп досталась роль ослика. Ей не дали роль ангела, и она учинила форменный скандал, так что никто не ожидал от нее большого успеха в роли ослика. Если честно, я не поняла, почему ей не разрешили быть ангелом – в постановке их было великое множество. Но миссис Мадден, учительница Хоуп, сказала, что нельзя всегда и во всем потакать желаниям Хоуп. Справедливости ради должна сказать, что учительница не дала ей эту роль вовсе не потому, что Хоуп плохо себя вела или не подходила внешне. Думаю, она просто устала от ее бесконечных вопросов.

В Рождестве для Хоуп оказалось много непонятного.

– А мама сейчас с ангелами или архангелами? – спрашивала она. – А почему Дева Мария похожа на Богоматерь?

– Потому что это она и есть, Хоуп.

– А почему ее называют Девой?

– Просто одно из ее имен.

Я сделала ей маску ослика на тот случай, если она все-таки решит выступить. И на генеральной репетиции в костюмах, когда учительница сделала последнюю попытку включить упрямого ослика в представление и сказала, что ослик – единственный персонаж помимо младенца Иисуса, у которого есть отдельная песенка, Хоуп решила, что так уж и быть, она выйдет на сцену. Она очень серьезно отнеслась к роли, ходила, как ослик, на четвереньках и очень сердилась, когда другие дети начинали петь *ее* песню. В конце концов был найден компромисс: Хоуп пела первую строку соло, а хор вступал со второй строки.

Хоуп так много репетиций провела, сидя в зрительном зале, что успела выучить, кто, где и в какой момент должен находиться. Слышно было, как она говорит верблюду, что он на третьем куплете должен стоять в другом месте. Несколько мам малышей нашего класса подошли ко мне и с натянутыми улыбками сообщили, что Хоуп большая молодец и мама бы ею гордилась. Я прекрасно понимала, что в следующий раз они от Хоуп такого поведения не потерпят.

Хоуп не пользовалась популярностью. Даже у детей. Казалось бы, четырех-пятилетки еще слишком малы для этого. Но нет, у них уже есть свои правила дружбы. Когда мы выходили с классом на прогулку, Хоуп играла сама по себе – просто бегала кругами по площадке. Мне так хотелось, чтобы кто-то из детей подошел к ней и предложил дружить. Но она была одна и совершенно от этого не страдала. Мое же сердце разрывалось от отчаяния.

Я рассказала о своих наблюдениях отцу, но он в ответ понес обычную ерунду про то, как Хоуп избалована.

– Если все перестанут обращать на нее внимание, она сама все поймет.

Но в том-то и дело, что на нее никто не обращал внимания. И отцу было бесполезно это объяснять.

Брендан звонил из Австралии каждые две недели, но от него тоже было мало проку, когда я спросила совета насчет Хоуп.

– Конечно, человеку одиноко, если ему пять лет и у него умерла мама. Это нормально. Ты зря волнуешься, – сказал он.

Конечно, будешь волноваться, если тебе восемнадцать лет и ты одна воспитываешь младшую сестру, хотела сказать ему я. Но это было бы глупо.

В последний учебный день семестра меня вызвала миссис Коркоран.

Я думала, что сейчас она будет мне выговаривать за поведение Хоуп, но вместо этого директриса сказала, что у школы открылась вакансия помощника учителя младших классов и она предлагает эту должность мне.

– Это будет взаимовыгодное решение, – заметила она.

– За все твои труды тебе давно полагается зарплата, – сказала Долл, когда мы с ней смотрели фильм «Неспящие в Сиэтле».

Она завела традицию приходить ко мне в пятницу вечером с каким-нибудь фильмом, взятым напрокат, пока мой отец расслаблялся в пабе. Обычно она приносила романтические и сентиментальные кинокартины, чтобы мы с ней могли всласть наплакаться.

– Побуду с тобой, пока с Хоуп все не утрясется, – обычно говорила Долл.

Мы вообще часто употребляли эту фразу: «Пока с Хоуп все не утрясется». Как будто у нас все сейчас только временно. Я даже записалась в библиотеку и брала учебники по университетской программе, чтобы не отстать, если вдруг каким-то чудом смогу вернуться в университет.

Я думаю, мне хотелось, чтобы Долл придумала для меня какую-то спасительную причину, но мы обе понимали, что это невозможно. Отец каждый день уходил на работу, и даже если бы у него было желание и способность заниматься ребенком, он все равно не имел бы на это возможности. Никаких других вариантов просто не было.

– Я знаю, как ты хотела учиться в университете, и мне очень жаль, что ты не можешь. Но я рада, что ты осталась со мной, – сказала Долл, взяв еще кусок пиццы. – Как думаешь, это значит, что я хорошая подруга или ужасная эгоистка?

– Ужасная эгоистка, конечно, – нехотя рассмеялась я.

Какое-то время мы обе молча смотрели на экран.

– Ты веришь в любовь всей жизни? – наконец спросила Долл.

– Смотря что ты под этим подразумеваешь, – сказала я, стараясь сдержать слезы. Разумеется, не от того, что происходило на экране – я смотрела сквозь него. Просто кто-то наконец сказал это вслух: я застряла здесь и в ближайшее время мне отсюда не вырваться.

– Ну в то, что существует твой единственный, тот самый человек, с которым тебя должна свести судьба.

– Это как-то маловероятно.

– Почему? – спросила Долл, стараясь эстетично справиться с растянувшейся горячей моцареллой.

– Ну что во всем мире для тебя предназначен один-единственный человек. А что, если он живет в джунглях Амазонки или говорит на арабском? И как ты вообще узнаешь, тот это человек или нет? Вот ты подумаешь, что он тот самый, а он – не тот. И, оставаясь с ним, ты теряешь шанс встретить того самого...

– Ну а как же тогда мистер Дарси?

Как все девушки нашего возраста, мы с ней были влюблены в персонажа Колина Ферта из нового сериала «Гордость и предубеждение».

– Это было в прошлом веке, – сказала я. – Тогда вообще у людей было немного контактов.

– Ты совершенно не романтичная!

В голове я прокручивала знаменитые любовные пары литературных героев. Встретились ли они потому, что были предназначены друг другу, или просто потому, что жили неподалеку? Кэти и Хитклиф в «Грозном перевале» жили в одном доме. Ромео и Джульетта – в одном городе. Может быть, все дело было в той самой эмоции под названием «любовь», которая мне пока незнакома? Быть может, это любовь заставляет нас поверить в то, что вот этот человек и есть тот самый, единственный для тебя? Может быть, это решает не судьба, а сам человек?

А на экране Том Хэнкс и Мэг Райан наконец встретились на крыше небоскреба.

– Мне кажется, она бы могла найти кого-то и покруче, – сказала Долл, выключая телевизор. – Ну, то есть как актер он, конечно, хорош. Но как мужчина – не слишком сексуален.

– И ты еще говоришь, что я не романтическая?

– Ну хорошо. Если бы ты могла выбрать сейчас кого угодно, кого бы ты выбрала? – не унималась Долл.

Обычно мы обсуждали такие вещи по пути домой из школы. В то время мы обе были помешаны на Робби Уильямсе, хотя я понимала, что, если каким-то чудом наши пути пересекутся, он выберет Долл, а не меня. Потому что Долл была хрупкая блондинка и всегда нравилась мальчикам.

– Как насчет Джорджа Клуни? – спросила я.

Сериал «Скорая помощь» мы часто обсуждали в учительской. Страсть к Джорджу Клуни хоть немного сближала меня с женщинами среднего возраста, которые в остальное время предпочитали обсуждать варикоз и менопаузу.

– А он для тебя не староват? – усомнилась Долл.

– Ну, я вряд ли встречу его в реальной жизни, согласись?

– Слушай, а тебя частенько тянет на мужчин постарше, а?

– И как ты пришла к такому выводу?

– Вспомни «Маленьких женщин». Ты даже радовалась, когда Джо предпочла старого профессора симпатяге Лори. Это единственная книга, которую я прочитала от корки до корки, – добавила она, когда я в изумлении подняла на нее глаза. – Потому что ты меня заставила ее дочитать.

– А ты кого бы выбрала? – спросила я, поскольку она явно ждала этого вопроса.

– Ну, если выбирать из звезд... Тома Круза.

– Да, он клевый.

– Для тебя он низковат, – быстро вставила Долл, как будто я пыталась отбить у нее Тома Круза.

Она встала и вынула кассету из видеоплеера.

– А если выбирать из наших знакомых? – продолжила она.

Я как раз хотела сказать, что в последнее время у меня совсем нет времени думать о мужчинах, но тут услышала, как отец возится с ключами в двери, поэтому вскочила, чтобы убрать со стола. Невозможно было угадать, в каком настроении он вернется из бара.

В комнату ворвался запах карри.

– Ну что, девчонки, ели пиццу? – спросил он, увидев коробку на столе.

– Да.

– Мне ничего не оставили? – Он приоткрыл коробку, слегка прищурившись.

– Прости!

– И сколько стоит пицца на вынос, а?

– Это Долл оплатила, – быстро проговорила я.

– У тебя есть работа? – спросил ее отец.

– Да, мистер Костелло. Я сейчас работаю в салоне на полную ставку.

Пока я доучивалась в школе, Долл пошла учиться в техникум, а по вечерам и выходным работала в самом шикарном салоне красоты нашего городка. Она работала там с тринадцати лет и постепенно из девочки, которая подметала полы, выросла до младшего стилиста.

– Вот, бери пример, – кивнул мне отец.

– Мне тоже предложили работу, – неожиданно выпалила я. Внутри у меня все сжалось от того, что теперь я точно буду вынуждена принять предложение миссис Коркоран. – Я буду работать помощником учителя на полную ставку. Приступаю после Рождества.

– Значит, теперь пицца в этом доме с тебя, – сказал отец.

Не «молодец» или хоть слово похвалы. Нет. Отец так и не простил меня за то, что я решила пойти учиться, а не работать, несмотря на то что учиться я так и не пошла.

Мы с Долл переглянулись.

– Ну, я пойду, – сказала она.

– Я тебя провожу, – предложила я, надеясь, что, когда я вернусь домой, он уже уснет.

Казалось бы, после смерти мамы наши отношения с отцом должны были улучшиться, но он стал придирается ко мне еще больше. Возможно, это была одна из его стадий переживания горя.

После целого вечера, проведенного дома, воздух на улице приятно освежал.

– Ой, совсем забыла! Мама приглашает вас на Рождество к нам, – объявила Долл.

– Правда?

– Всех вас.

Я чуть не заплакала от чувства благодарности. Ведь я так волновалась, как же мы проведем Рождество. Не знала, спустить ли с чердака серебристую елку или украсить веранду бумажными гирляндами, да и можем ли мы вообще в такое время что-то украшать. Всякий раз, когда я заводила об этом речь, отец отмахивался:

– Рождество? Опять? Кажется, с каждым годом оно наступает все раньше.

У него всегда находился повод отложить разговор – он либо собирался в паб, либо уходил играть в бильярд, либо шел смотреть футбол.

Присланные нам поздравительные открытки лежали кучкой на столике в прихожей. И только одна открытка в форме елочки, сделанная Хоуп в школе, была так залита клеем и блестками, что не могла до конца высохнуть. Пришлось поставить ее на полку с сувенирами в кухне. И каждое утро, пока Хоуп ела свой сухой завтрак, она смотрела на открытку и говорила, полностью имитируя интонацию ее учительницы:

– Вот, Хоуп, так уже намного лучше.

Мысль о праздничном обеде меня повергала в страх. Я совершенно не умела готовить. К моему счастью, в школе на обед давали нормальную горячую еду, а вечером я просто накладывала на тосты что-то из консервной банки – спагетти, тушеную фасоль или просто намазывала их пастой «Мармайт». Иногда, если отец выигрывал на скачках, он приносил домой большой пакет с рыбными палочками и картошкой фри, но обычно он просто перед приходом домой ел в пабе или баре.

Однажды в воскресенье я попробовала приготовить нам нормальный ужин, с жареной курицей, как любит Хоуп, но все только испортила. Курицу засунула в духовку прямо в пластиковом контейнере. А на десерт вместо заварного крема у меня получился сладкий омлет с комочками. После этого случая отец стал по воскресеньям водить нас в кафе, где был шведский стол и на сумму около пяти фунтов можно было взять неограниченное количество еды, а детей кормили бесплатно и бесплатно же давали любое количество мороженого. Так что Хоуп просто какое-то время наполняла свою тарелку исключительно мороженым и сладостями, пока отец не решил, что экономия экономией, но все-таки столько сладкого есть нельзя. Притом в Рождество это кафе не работало.

Мы с мамой до рождения Хоуп всегда вместе ездили в Лондон за подарками к празднику. Там почти ничего не покупали, но с удовольствием разглядывали нарядные витрины, иногда набравшись храбрости заглянуть внутрь и тайком брызнуть на запястье тестером «Chanel № 5», пока продавец не смотрит.

– Если выйдешь замуж за богача, Тесс, он тебе будет покупать такие духи!

Я знала, что брать с собой Хоуп было рискованно, но надеялась, что ей понравится иллюминация в городе и будет полезна смена обстановки.

Остановиться у витрины магазина игрушек «Хэмлис» было ошибкой. Когда я попыталась увести ее подальше, оно просто встала, как будто выросла в тротуар, и у меня не было сил сдвинуть ее с места. Когда мы зашли внутрь, она тут же увидела гору мягких игрушек.

– Хоуп, можно аккуратно потрогать. Тихонечко и аккуратно! Хоуп, положи на место!

В итоге мне пришлось купить жирафа, которому она почти успела оторвать хвост, пока мы дошли до кассы. Цена на игрушку была заоблачная. Отец выдал мне двадцать фунтов, чтобы мы развлекались и отдохнули, а в итоге у нас едва хватило денег на «Хэппи мил»¹⁰ в качестве обеда. Тогда бы и стоило вернуться домой, но на дворе уже было 23 декабря, а я не купила подарок для Долл и ее мамы, миссис О’Нил. Я хотела присмотреть им что-то в столичном универмаге «Селфриджес».

С тех пор как мне и Долл исполнилось по пятнадцать, нам разрешили ездить в Лондон по праздникам, конечно, если на это хватало наших собственных денег, заработанных по субботам. Нам нравилось гулять по городу, открывая для себя разные районы и кварталы, мы мечтали, как однажды поселимся в одном из этих респектабельных мест. Долл мечтала о современных апартаментах с видом на Гайд-парк, а я представляла себе один из уютных домиков в начале Портобелло-роуд, покрашенных в разные яркие цвета. В наших мечтах я работала библиотекарем или продавцом в книжном магазине, а Долл – продавцом парфюмерного отдела «Селфриджес», из тех, что носят форму как у врачей и предлагают бесплатные косметические процедуры.

На Оксфорд-стрит было не протолкнуться от покупателей. Приходилось просто плыть по течению вместе с толпой. Я была высокая, но даже мне это было нелегко, а что говорить о маленькой Хоуп? Когда наступил момент и сестра решила, что больше не в силах выносить этот шум и толчею, она просто встала как вкопанная.

– Ну же, Хоуп, уже недалеко.

Парадный вход универмага «Селфриджес» был уже виден впереди.

– Хоуп, мы мешаем людям проходить.

Сочувствующие взгляды быстро сменились осуждающими, как только начался крик.

– Хоуп! Прекрати! Что бы о нас подумала мама?

Я давала себе слово никогда в жизни не упоминать маму в упреках. Но это помогло, она на секунду отвлеклась, и я тут же схватила ее на руки и потащила. Она начала пинаться и бить меня.

– Отпусти!

– Только если пообещаешь вести себя хорошо.

– Отпусти!

Крики становились все громче, она покраснелась, все лицо ее было в слезах, и вдруг Хоуп затихла, наклонив голову в сторону, словно птичка. Я проследила за ее взглядом и поняла, что дальше по улице, почти у входа в «Селфриджес», оркестр играет «Тихую ночь».

Мы простояли там, наверное, с полчаса, слушали рождественские песни, и лицо Хоуп просветлялось, когда она узнавала знакомую мелодию. Она знала все слова к песням «Далеко в яслях» и «Три волхва» и попросила их сыграть и спела, нисколько не стесняясь. Когда оркестр перестал играть, я дала Хоуп монетку и велела положить ее в коробку для сбора денег.

– Да ты, наверное, ангелочек? – умилилась женщина, собиравшая деньги на благотворительность.

– Нет, я маленький ослик, – ответила Хоуп.

Внутри универмага было еще болеелюдно и прилавки в косметическом отделе были слишком высокие, чтобы Хоуп могла что-то разглядеть. Когда я попыталась заинтересовать

¹⁰ Набор еды для детей, включающий игрушку, в кафе быстрого обслуживания.

сестренку духами, брызнув ей на запястье, она нарочито закашлялась и скривила рожицу. Я быстро выбрала набор декоративного мыла в красивой упаковке для миссис О'Нил и подарочный набор с туалетной водой и лосьоном для тела от «Рив Гош» для Долл.

– Будьте добры, положите в разные пакеты, пожалуйста, – попросила я продавщицу, когда наконец до нас дошла очередь.

Я, в общем, и пришла сюда ради этих ярких фирменных пакетов «Селфриджес».

– С вас двадцать восемь фунтов, мадам.

Роясь в сумке, я спиной чувствовала, как растет раздражение стоявших в очереди за мной. На мгновение я подумала, что кошелек у меня кто-то вытащил в толпе, и сердце ушло в пятки. Наконец я нащупала на дне сумки кошелек.

– Вот!

Сунув в руки продавщицы две купюры, я вдруг поняла, что Хоуп уже не держит меня за руку, что ее вообще нет рядом со мной.

– Хоуп!

Ее нигде не было видно.

В груди все сжалось, как будто я забыла, как дышать. Спокойно. Она наверняка где-то рядом. Я осмотрела толпу. Вокруг меня были сотни, тысячи людей на одном только первом этаже. Куда же она ушла? На эскалаторах люди стояли по несколько человек на каждой ступеньке. В зеркалах отражалось еще больше людей. Но Хоуп нигде не было.

– Хоуп!

Сжимая в руках деньги, я начала продвигаться сквозь толпу, заглядывая через витрины и прилавки в поисках Хоуп. Может быть, она спряталась? Но это на нее не похоже. Я с ней и в прятки-то играть не могла, поскольку она не понимала, что нужно делать.

– ...четыре, пять, я иду искать!

– А вот я! – тут же подавала голос Хоуп из-за шторы.

Может быть, она убежала? Но и привычки убегать у нее не было. Она могла пинаться и выворачиваться, но никогда не пыталась убежать.

Я шла будто в кошмарном сне, когда тебе страшно, ты открываешь рот, но не можешь произнести ни звука. Только теперь было все наоборот: я кричала и звала, но на меня никто не обращал внимания.

Неужели ее похитили?! Господи, прошу тебя, только не это!

Револьверные двери выпускали людей на улицу пачками. Может быть, у входа уже ждала машина с тонированными стеклами, когда ее вывели? Но ведь кто-то должен был заметить, как ее вывели наружу!

Хотя, если подумать, на меня в магазине косились, когда Хоуп капризничала, но никто и не попытался спросить, мой ли это ребенок, раз она так вырывается. Никому не было до нас дела – каждый был занят своими покупками.

– Господи, прошу тебя, верни мне ее, и я буду верить в тебя с чистым сердцем!

Я начала мысленно молиться, и вдруг меня осенило: *Да ты, наверное, ангелочек?*

На улице я бежала не разбирая, кого и где я толкнула и кто задел меня, я должна была найти тот оркестр.

Рядом завывали сирены «Скорой помощи». Господи, прошу, не дай ей броситься через дорогу и попасть под красный двухэтажный автобус!

Успокойся! Сейчас ты дойдешь до оркестра, и она будет стоять там же, где мы слушали музыку.

Ее там не было! Я ее потеряла! Я ее действительно потеряла! Какая же я дура, что ушла из магазина, теперь она будет меня искать там и не сможет найти!

Оркестр начал играть новую мелодию. «Маленький ослик, маленький ослик, на пыльной пустынной тропе...»

Я была в такой панике, что не заметила Хоуп, которая стояла прямо рядом с дирижером. Она настойчиво отказывалась брать за руку взволнованную женщину, собиравшую пожертвования на благотворительность.

– Прекрати меня обнимать! – сурово крикнула Хоуп, когда я бросилась и сжала ее в объятиях. – Прекрати, я сказала!

Она ушла в электричке по дороге домой. С виду – чистый ангел, обнявший плюшевого жирафа. Обдумывая все на спокойную голову, я поняла, что это, в общем, удивительно, как она смогла найти выход из большого магазина и добраться до оркестра. Разве это не доказывало, что она никак не глупее, а может, и умнее многих своих ровесников? Надо будет рассказать миссис Коркоран об этом случае.

Впрочем, может, и не надо. Потому что тогда придется рассказать и о том, что я ее потеряла.

Напротив сидела женщина средних лет с пакетами, полными рождественских покупок. Она кивнула и улыбнулась:

– Какая милашка!

– Видели бы вы ее раньше, – сказала я. – Вопила, как пожарная сирена!

– Не стоит критиковать своего ребенка, – посоветовала она. – Поверьте, найдется много людей, которые сделают это за вас.

Обычно я объясняла людям, что Хоуп мне не дочь, но те секунды, минуты – даже не знаю, сколько на самом деле прошло времени, – когда я поняла, что потеряла ее, заставили меня осознать, что эта девочка была для меня важнее всего на свете. И вдруг мне все стало ясно и понятно, словно снизошло какое-то озарение. Я должна была сделать выбор: продолжать считать, что жизнь ко мне несправедлива, страдать и обижаться или просто принять тот факт, что отныне я воспитываю ее сама. Это было такое облегчение. И Брендан был прав, когда во время нашего последнего разговора велел мне перестать ныть по поводу того, что я не поступила на филологический.

– Да, ты не учишься в университете, но это же не значит, что ты не можешь читать книги по программе сама?

Я вспомнила, что мама часто мне говорила: «Все, что ты делаешь с легким сердцем, принесет тебе радость».

Или, как сказала по этому поводу Долл, единственный человек, которому я рассказала о случившемся: «Ты потеряла Хоуп, но нашла надежду»¹¹.

¹¹ Игра слов. Героиню зовут Норе, также это переводится как «надежда». – *Прим. ред.*

6

*Декабрь 1997 г.
ГУС*

Чем короче становились дни, тем ближе и роднее Лондон. Осень вносила в городскую жизнь ощущение сопричастности. Когда мы выходили с вечерних занятий, было уже темно и городские улицы сверкали огнями сквозь дождь, а воздух пьянил пряными ароматами кафе и ресторанов. Толпы промокших горожан дружно жались под навесами автобусных остановок. Летом в Лондоне ты ощущаешь себя туристом, но если тебя застала в городе зима, значит, ты – местный.

Пятого ноября, в Ночь Гая Фокса¹², мы с Люси и Тоби присоединились к толпам горожан, что взбираются на Примроуз-Хилл¹³ посмотреть на шоу. Под нами раскинулась огромная освещенная карта Лондона. И пока мы охали да ахали, восхищаясь праздничным салютом, стало очевидно, что мы с Тоби оба симпатизируем Люси, а она делает вид, что не замечает нашего соперничества.

В первый же день каникул большинство студентов собрали вещи и отправились по домам. Люси не терпелось встретиться с родителями, Тоби – со школьными друзьями, Нэш летела повидаться с отцом, и только я с ужасом думал о предстоящем Рождестве в кругу семьи.

Я все время находил причину отложить отъезд. Утренние часы проводил в библиотеке, готовясь к зимним экзаменам, а дневные – в Национальной галерее, осматривая экспозицию от Ренессанса до Парижа на рубеже двадцатого века. А когда я обнаружил, что в Национальном театре утром можно купить дешевый билет на вечерний спектакль того же дня, я изменил маршрут пробежки на юг, пересек стальные воды Темзы и оказался в очереди у касс театра под пронизывающим ветром с реки.

За день до Рождества я вдруг вспомнил, что не купил ни одного подарка, и это позволило мне еще на несколько часов отложить поездку домой. Раньше мама сама покупала все наши подарки. От меня: шоколадки с мятной начинкой для мамы и конфеты с ликером для папы. От Росса: набор декоративного мыла и набор мячей для гольфа. Предполагалось, что мы потом возместим ей эти расходы из наших карманных денег, чего мы никогда не делали. От нас требовалось только упаковать подарки, но скотч, ножницы, подарочная бумага и ленты уже аккуратно были сложены на наших кроватях вместе с заранее приготовленными подарками. А утром в Рождество мама изображала удивление, открывая наши подарки. Но в этом году я решил, что мама должна искренне приятно удивиться, открыв мой подарок, хотя я не имел ни малейшего представления о том, что же ей подарить.

Я пошел в «Селфриджес», куда нас родители водили в детстве посмотреть на Санта-Клауса. Став постарше, мы с отцом и братом сидели в гриль-баре магазина, поедая сэндвичи с мясом, пока мама ходила по косметическим отделам. Потом ехали по Риджент-стрит, и мы с Россом, сидя на заднем сиденье, разглядывали праздничную иллюминацию.

Старомодные револьверные двери на входе напомнили мне, как Росс изо всех сил раскручивал эту дверь, пугая посетителей магазина. На первом этаже я нашел отдел товаров для мужчин, где подобрал для отца набор: фляжка и блокнот с отделкой из традиционной

¹² 5 ноября 1605 г., во время посещения королем Яковым I парламента, на него было совершено покушение группой заговорщиков во главе с неким Гаем (Гвидо) Фоксом, который должен был взорвать бочки с порохом, размещенные под палатой лордов. Заговор был вовремя раскрыт, и заговорщиков казнили. С тех пор каждый год 5 ноября (в Ночь Гая Фокса, или Ночь костров) в Англии зажигают костры, празднуя провал заговора и спасение монарха.

¹³ Холм в северной части Лондона, давший название окружающему его кварталу.

шотландки, уложенные в нарядную коробку, имитирующую дерево. В парфюмерном отделе я выбрал для мамы набор от «Ярдли» из талька и масла для ванн в красивой коробочке с лавандовой лентой и встал в очередь в кассу.

Передо мной стояла высокая женщина. В одной руке у нее была пара коробок, а второй она держала вертлявую девчущку. Ее подарочные наборы выглядели гораздо интереснее моих, и я начал сомневаться в своем выборе. Она так терпеливо разговаривала с ребенком, что я почти набрался смелости спросить ее совета по выбору подарка для мамы. Но пока она стояла перед кассой и рылась в сумке, девчонка кинулась прямо между ног покупателей и тут же исчезла.

И вдруг я оказался первым в очереди.

– Вам помочь?

Я взял нарядную серебристую коробку, оставленную той женщиной перед кассой, и сравнил ее со своей.

– Маме или подружке? – спросила кассирша.

Я почувствовал, что краска заливает мне лицо и уши.

– Маме, – пробормотал я.

Ее понимающая улыбка заставила меня сжаться от смущения.

– Тогда лучше возьмите набор от «Ярдли», – сказала она, забирая у меня коробку.

На секунду у меня возникло желание купить и второй набор из чувства протеста. А может быть, у меня молодая и модная мама? Или я подарю второй набор Люси. Мы же собирались с ней увидеться между Рождеством и Новым годом. Но я понятия не имел, какими духами она пользуется и пользуется ли вообще.

Папа приехал на машине, чтобы забрать меня от станции.

– Говорят, снег пойдет.

Он у нас был метеорологом-любителем, и в нашем коридоре даже висел барометр. Но сейчас он вкладывал в эти слова и другой смысл.

– Будем надеяться, что нет, – ответил я.

Всю дорогу домой мы ехали молча, глядя перед собой, словно в ожидании первых снежинок.

На входной двери красовался традиционный венок, в зале стояла живая ель, но гирлянда, которую мы с Россом сделали в то Рождество, когда оба заболели корью, была убрана с глаз долой. Мама вышла из кухни в праздничном фартуке. Руки у нее были в муке, так что мы не стали обниматься. Потом она оглядела меня с головы до ног, словно ожидая увидеть какие-то перемены.

За ужином в нашей чаще пустующей столовой папа пытался подловить меня на каверзных вопросах по анатомии. Я помню, когда Росс начинал учиться, отец тоже его закидывал подобными вопросами. Может быть, Нэш была права насчет неудавшегося хирурга? Росс был дерзким, не то что я, и не боялся поддеть отца в ответ. Моя же сдержанность только делала нападки отца настойчивее. Но когда мама воскликнула: «Гордон, да отстань же ты от него!», я подумал, что лучше бы он продолжал, потому что за столом повисла невыносимая болезненная тишина.

– Еще вина? – спросила мама.

Я едва успел пригубить, а ее бокал уже в третий раз готов был наполниться. Горлышко тихо звякнуло о стекло. Отец пристально посмотрел на бутылку. Мама осторожно вернула ее на стол и подняла бокал. И тут в дверь позвонили.

– Это еще кто?

– Наверное, рождественский хор! – Мама так обрадовалась возможности разрядить обстановку, что буквально была сама не своя от возбуждения.

Когда она открыла дверь, то вместо песен мы услышали нарочито-радостные возгласы:

– Какой замечательный сюрприз! – По мере приближения к столовой звук нарастал. – Ангус, Гордон, вы ни за что не догадаетесь, кто к нам пожаловал!

Вслед за мамой в столовую вошла подруга Росса, Шарлотта. На ней было длинное сиреневое пальто с шалевым воротником. На ком-то другом оно смотрелось бы как халат, но стройная и элегантная Шарлотта выглядела в нем как кинозвезда. В руках у нее был какой-то куб, обернутый в дешевую и аляповатую подарочную бумагу.

– Прошу вас, не вставайте, – сказала она. – Не хочу мешать вашему ужину.

– Ты не мешаешь! – выпалил я, от всего сердца благодарный ей за своевременное появление.

– Давай-ка я налью тебе бокальчик! – Мама тут же переключилась в режим радушной хозяйки. Я и забыл, что она может быть такой.

Наша столовая снова стала жилой.

– Только чего-нибудь безалкогольного, – сказала Шарлотта, стягивая мягкие кожаные перчатки. – Я за рулем.

– О, у тебя своя машина? Как замечательно! – воскликнула мама.

– Всего лишь крошечный «Пежо».

Папа открыл бутылку тоника. Кубики льда затрещали в бокале, когда по ним заструился пузырящийся напиток, а над столом воспарил аромат с легкой горчинкой.

– «Пежо», говоришь?

Шарлотта скинула пальто с плеч, и оно легло на стул, открыв гладкую шелковую подкладку. На ней была простая черная водолазка и черные джинсы. Ее длинные черные волосы блестели и отливали синевой. Светлая кожа лица была безупречна. На каминной полке стояло фото Шарлотты и Росса в костюмах героев из «Семейки Аддамс» с Хэллоуина, и в ее внешности было что-то вампирическое. Но сейчас губы ее были бледны от холода, и она сидела словно модель, сошедшая с фото Дэвида Бейли времен шестидесятых, поразительно красивая и хрупкая.

– Ну что, ты теперь в интернатуре? – спросил отец. – По какой специализации? Терапевт?

– Кардиохирургия, – спокойно ответила она.

По какой-то непонятной причине я прыснул со смеху.

Шарлотта восхищала меня с того самого дня, когда Росс впервые привез ее к нам на летних каникулах после второго курса. Отец в том году как раз построил джакузи на террасе. На Шарлотте было нескромное белое бикини. Я до этого в жизни не видел настолько раздетых женщин. А она была надменна и равнодушна, я даже не уверен, что она вообще заметила меня тогда из-за своих шикарных темных очков.

– Тебе нравится на медицинском, Ангус? – спросила она.

– Ну да, хотя учиться трудно, – промямлил я, снова превращаясь в тринадцатилетнего подростка.

– Ну уж не так, как быть кардиохирургом! – воскликнула мама. – Подумать только, мне кажется, это самое трудное...

– Да, конкуренция в этой области высокая, – призналась Шарлотта.

– Интересно... – начала мама. Ее глаза наполнились слезами, взгляд стал отсутствующим. Она подумала о том, какую специализацию бы выбрал Росс.

– В общем, – заметила Шарлотта, отпив тоник, – это еще не скоро.

– Амбиции – это прекрасно, – сказал отец, и по его тону было ясно, что он не слишком высоко оценивает ее шансы. – Ты в Рождество будешь дома?

Ее мама жила всего в нескольких километрах от нас, хотя Росс и Шарлотта познакомились в университете. «Я трахался с телками на пяти континентах, – сказал он мне однажды,

бреясь перед свиданием. – В то время как лучший секс ждал меня в пяти минутах езды от дома».

– Только сегодня и завтра. На Рождество я работаю, – ответила Шарлотта.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь! – провозгласил отец.

– А на Новый год? – тихо спросила мама.

– Да, и на Новый год тоже.

– Наверняка, – вставил отец.

– Да, – согласилась Шарлотта.

– Как хорошо, что ты к нам заглянула, правда, Гордон?

Шарлотта подвинула к маме подарок:

– Это вам.

– Ну что ты! Не надо было! Это так мило! – воскликнула мама. – Пойду принесу твой подарок.

По тому, насколько долго мама отсутствовала, я не мог точно сказать, действительно ли мама купила Шарлотте подарок или просто успела завернуть что-то купленное на случай, если она забыла включить кого-то в список, который всегда тщательно составляла заранее.

– Где ты живешь? – спросил я, просто чтобы разрядить тишину.

– В Баттерси. Бывал там?

– Нет.

– Там вполне комфортно.

– Я побывал в Национальном театре.

Вот так, в одно мгновение, мой мозг перескочил от района Баттерси на южном берегу Темзы к единственному месту, которое я знал по ту сторону реки. Да, логичным продолжением разговора это было трудно назвать.

Шарлотта посмотрела на меня пренебрежительно.

– Повезло тебе, – сказала она с едва уловимой иронией.

– Если прийти в кассу с утра, можно на вечер купить дешевые билеты, – пояснил я отцу, на лице которого застыло недоумение. – И еще я бегаю, – добавил я.

– Я тоже бегаю, – сказала Шарлотта.

– Может, как-нибудь добежите друг до друга! – попытался поддержать разговор папа, но его шутка закрыла тему для обсуждения.

Вернулась мама со свертком для Шарлотты.

– Можно открыть сейчас? – спросила Шарлотта.

Она развернула упаковку, в которой лежали пара трикотажных перчаток и шарф красного цвета от «Маркса и Спенсера».

– М-м-м, – протянула она, наматывая шарф на шею. – Какой теплый и уютный!

Она показала на куб, внутри которого оказался ящик с розовым амариллисом.

– Луковицу нужно посадить, и скоро из нее вырастет прекрасный цветок, – сказала Шарлотта.

– Никогда не могла поверить, что они действительно так вырастают, – задумчиво проговорила мама, перевернув ящик и читая инструкцию на дне.

– Конечно вырастают! – воскликнул я, настороженно наблюдая, как Шарлотта накидывает на худые плечи пальто. Красный шарф смотрелся на фоне пальто так же нелепо, как тот куб, что она принесла. И я подумал: интересно, далеко ли она отъедет от нашего дома, прежде чем скинет его?

– Ну, мне пора, – произнесла она.

Шарлотта обняла маму, потом протянула руку отцу и покорилась, когда он обнял ее в ответ. И чтобы не показалось, что я тоже жду прощальных объятий, я кинулся открывать входную дверь.

– Спасибо, что заглянула, – сказал я. – Они очень обрадовались.

Шарлотта оглядела меня. Глаза у нее были зеленые, как у кошки, отметил я про себя.

– Ангус, ты стал таким высоким, – сказала она. – Думаю, ты перерос брата.

– Ох, он бы взбесился от этого!

Это вырвалось у меня неожиданно, и я тут же пожалел, что единственное упоминание о брате в ее присутствии было таким неуважительным.

Шарлотта сначала нахмурилась, словно обдумывая мои слова, потом, к моему глубокому облегчению, улыбнулась искренней улыбкой, словно вспомнив что-то приятное:

– Ты прав, взбесился бы не на шутку! – и, слегка сжав мое плечо, вышла.

Хотя в это Рождество нас было всего трое, мама вскочила еще до рассвета, чтобы приготовить огромную индейку. Я плохо спал, поэтому встал, как только услышал бряцание посуды. Кухня уже была наполнена паром от гусиных потрохов, которые мама тушила для подливки. Я выпил чашку чая, которую мама поставила передо мной, и сказал, что пойду на пробежку.

– Да, иди проветрись, – проговорила она.

Воздух на улице казался плотным от морозного тумана. Тротуар затянуло инеем, и он прилипал к подошвам кроссовок. Видимость была практически нулевая, и я обнаружил, что бегу очень медленно, как будто мой мозг сам включил режим опасности и снизил скорость движения, чтобы я не наткнулся на неожиданное препятствие. Я не мог набрать нужную скорость, при которой голова очищалась от всех мыслей и оставался только ритм бега.

Внезапно услышав чьи-то шаги, я остановился.

Может, как-нибудь добежите друг до друга!

Мимо пробежал какой-то мужчина. Наверное, накануне он ел чеснок, и острый неприятный запах висел в воздухе еще долго после того, как стих звук его дыхания.

* * *

Вернувшись домой, я почувствовал запах гари. Мама стояла у кухонной раковины и скоблила почерневший сотейник. Она не оглянулась на звук моих шагов, но по ее согбленным плечам было видно, что она плачет.

Я долго принимал душ, горячие струи приятно грели замерзшее лицо.

Когда я спустился вниз, папа уже сидел за столом в своем обычном рождественском облачении: толстый вязаный свитер поверх клетчатой рубашки и вельветовые брюки.

С момента приезда домой я заметил, что отец все время находится в каком-то нетерпеливом ожидании, словно зритель перед началом военного парада.

Мама принесла одно из своих традиционных блюд.

– Копченый лосось с шампанским?

– Не рановато для шампанского? – ответил вопросом отец.

– Ну, кое-кто уже давно на ногах!

Сколько себя помню, рождественское утро начиналось с этого диалога.

– Ну что ж, живем только раз! – обычно отвечал на это мой отец. Но в этом году он явно не был готов на такое.

Раньше мне позволяли выпить половину бокала шампанского, но теперь, когда мне уже исполнилось восемнадцать, меня никто и не думал ограничивать. Шампанское шло легко.

– Думаю, нет смысла зажигать камин в гостиной, – сказала мама.

Несколько последних лет это было обязанностью Росса. И я не мог понять, то ли она намекает, что теперь я должен это сделать, то ли просто не хочет идти в гостиную, где всюду стоят его фотографии.

– Давайте распакуем подарки на кухне? – предложил я.

– Да, тепло и уютно, – согласился отец.

– И правда! – Мама почти обрадовалась возможности изменить традиции.

Она купила мне пижаму, ваучер на десять уроков вождения в Британской автошколе и, от папы, шагомер.

– Дай-ка посмотрю, – тут же протянул папа руку, так что стало очевидно, что он этот подарок видит в первый раз.

– По нему можно узнать, какое расстояние ты прошел, – сказала мама.

Конечно, я и не собирался им пользоваться, но понимал, откуда у нее взялась мысль о таком подарке. Даже представлял, как она жаловалась своим подружкам в женской инициативной группе:

– Ох, просто не представляю, что подарить Ангусу. Его сейчас, кроме пробежек, ничего не интересует.

Папе мой подарок, похоже, понравился, но по тому, как мама выдохнула: «О, лавандовое!», стало ясно, что этот аромат она не любит.

Мама бездумно вертела в руках красивую коробочку.

– Росс всегда дарил мне набор сувенирного мыла от «Ярдли», – сдавленным голосом прошептала она.

Злость пробила ватный кокон, которым опутало меня шампанское. Мне захотелось крикнуть:

– Неправда! Ты сама покупала себе мыло! Ну зачем делать из него святого?!

Настенные часы тикали. Индейка в духовке шипела и клочкотала.

– Боже, который час? – спросил вдруг отец. – Я обещал Брайану, что мы успеем загнать девять лунок!

– Почему бы тебе не взять с собой Ангуса? – предложила мама.

Во взгляде отца я видел сомнение.

– А тебе бы хотелось?

Было ясно, что отец надеется на мой отказ, но я также понимал, что мама хочет, чтобы я согласился.

Я ждал его внизу, когда он спустился, поигрывая ключами от машины и источая аромат какого-то нового одеколona.

Гольф-клуб был в нескольких километрах. В клубной гостиной отдыхали несколько крепких завсегдатаев, а у камина сидела одинокая женщина. Когда я открыл дверь, она в ожидании вскинула взгляд, но, убедившись, что я не тот, кого она ждет, снова опустила глаза.

– Что будешь? – спросил отец, положив руку мне на плечо и подталкивая к бару.

Я заказал полпинты темного, зная, что, закажи я светлое, отец тут же выдаст целую речь о том, что он думает по поводу пива светлых сортов.

– Две пинты вашего лучшего темного! – громко объявил отец бармену и повернулся ко мне: – А ведь мы с тобой еще ни разу не выпивали вместе, а?

– Кажется, нет.

Мы оба знали, что нет. Мой восемнадцатый день рождения в апреле прошел незаметно.

– Что скажешь о пабах в Лондоне, хороши? Или ты предпочитаешь винные бары? – спросил он.

– Да я мало где бываю, если честно.

– В студенческих барах дешевле, да?

Я не мог понять: он хочет, чтобы я оказался опытным пьяницей, или это вопрос с подвохом?

– Думаю, да.

– Он думает! – воскликнул отец, как бы приглашая к нашей мужской беседе остальных присутствующих.

Несколько человек улыбнулись, но никто не вмешался.

Он залпом допил бокал.

– Еще один? – спросил я.

– Пожалуй, нет, – ответил он. – Я же за рулем. Слушай, ты пока допивай, а я пойду отолью.

Я остался у бара, с трудом допивая отвратительный теплый эль.

Отец вернулся в сопровождении женщины, которую я заметил, когда мы вошли.

– Ангус, ты не поверишь, кого я встретил! Это Саманта, моя новая медсестра!

– Ну, не такая уж новая, – ответила она, смеясь, глядя на него и пожимая мою руку.

Как и другие медсестры, работающие в стоматологии, она была симпатичная, с характерной клинической внешностью – короткая стрижка, хорошие зубы, аккуратные серьги-гвоздики в ушах. На ней были облегающие джинсы, заправленные в кожаные сапоги, пушистый бледно-голубой джемпер и шелковый шейный платок со скучным золотистым орнаментом и синей каймой, слегка выбивающийся из общего стиля. Я подумал, что, наверное, это ей отец подарил на Рождество – она еще не достигла возраста, когда женщины сами покупают себе шелковые платки.

– А сколько ты уже у меня работаешь? – спросил отец.

– Семь месяцев, – сказала она.

– Правда? Надо же. А ты что, тоже член этого клуба? – спросил он ее, как будто кто-то мог поверить, что такая женщина приехала в клуб одна в рождественское утро, чтобы отрабатывать свой фирменный удар.

– Нет, здесь играет мой папа, – ответила она. – Я приехала к родителям на Рождество. – Она впервые посмотрела мне в глаза, словно говоря, что нам обоим известно, насколько это тягостно. – Мне уже пора возвращаться.

В машине по пути домой я не знал, что и думать. Да и стоит ли думать об этом вообще. Если Саманта стала для него утешением – что ж, ему во благо. Еще я догадывался, что она не была первой. Мама наверняка подозревала его в изменах – она и сама работала у него медсестрой, так что ее предложение взять меня с собой, вероятно, имело скрытые мотивы. В одном я был уверен точно: от меня она ничего не узнает.

– Саманта симпатичная, – заметил я с намеком на комплимент.

– Что? А, да, она ничего, – ответил отец, не отводя глаз от дороги.

Когда мы повернули к дому, отец вдруг вспомнил про неудачное алиби.

– Странно, почему Брайан не появился!

– Мы довольно поздно приехали, – сказал я.

Отец повернулся ко мне и улыбнулся понимающе. Раньше я видел, как он улыбался с таким выражением Россу.

– Точно!

– Тебе звонила какая-то девушка, – объявила мама, как только мы пришли домой.

– Да? – растерялся отец.

– Не тебе, Гордон! Ангусу звонила девушка.

– Девушка? – снова улыбнулся отец, хмыкнув.

– Она представилась? – спросил я.

– Да у него их несколько! – восхитился папа. В один миг я перешел из статуса непонятного отпрыска в сына-казанову.

– Было плохо слышно. Она сказала, что еще перезвонит. Надеюсь, она позвонит до того, как мы сядем за стол.

Телефон зазвонил в тот момент, когда мама спрашивала, что я буду к рождественскому пудингу – заварной крем, сливки или и то и другое.

– Это тебя, – подмигнул мне отец, передавая трубку.

Я ушел говорить в прихожую. Мое сердце выпрыгивало из груди, пока я откашливался, прежде чем сказать хоть слово.

Но это была не Люси, а Нэш.

– Ну как дела, отдыхаешь?

– Нормально. Здесь тихо, – сказал я. – Как сама?

– Ужасно! Я здесь всего второй день. Папина новая подружка – просто стерва. Я тут никого не знаю! Слушай, папа сказал, что может оплатить билет кому-нибудь из моих друзей, чтобы мне не было скучно одной на Новый год. Что скажешь?

– А где ты? – спросил я, перебирая в голове Нью-Йорк, Брюссель и другие города, где у ее отца была недвижимость.

– Во Франции, в Валь-д'Изере. У нас тут шале. Ты катаешься на лыжах? – спросила она.

– Нет, – соврал я. – Так что вряд ли...

– Да брось, Гус. Подумай. Круассаны, хороший кофе, вина – залейся. Ну пожалуйста, а?

– Извини, Нэш. Прости, я правда не могу... Спасибо за предложение...

Я положил трубку и уставился на гирлянду из поздравительных открыток, развешанных по стене в прихожей. Снег на крышах церквей, снег на деревьях, снежные пейзажи Брейгеля с ледяным катком, облепленная снегом веточка с птичкой на ней, блестящий снег на крыше хлева, где родился Иисус. Интересно, на Ближнем Востоке бывает снег? Щенок лабрадора в красной шапочке с помпоном, съезжающий по снежному склону. Ряд за рядом картинки с белым мягким снегом. Неужели никому не пришло в голову?..

Я вдруг увидел лицо Росса: он оглянулся, белые зубы в улыбке, глаза спрятались за зеркальной горнолыжной маской, снежинки садятся на его темные волосы...

– Что за предложение? – спросил отец, когда я вернулся за стол.

Я прокрутил еще раз в уме разговор с Нэш, вспоминая, не было ли сказано чего, что мне пришлось бы объяснять.

– Да так, пустяки, – ответил я.

– Пустяки, а? – опять ухмыльнулся он.

Мне было противно, что он думает, будто у нас обоих теперь есть свои мужские секреты.

– Можно я потом доем? В меня больше не влезет.

Он кинул на меня разочарованный взгляд. Наша новая мужская дружба была еще слишком хрупкой, и я вмиг ее разрушил.

У себя в комнате я смотрел на снег за окном и думал о том, что было в этот день год назад.

* * *

Снег пошел, как только стало темнеть. Кататься на целине было небезопасно само по себе, но в условиях полного отсутствия видимости это было чистым безумием.

– А чего ты поднялся, если не собирался ехать? – потребовал ответа Росс.

Брат всегда придерживался такой стратегии – сначала выставить меня дураком, а уж потом поговорить.

– Я думал, ты хочешь ехать по трассе, как обычно...

– Это и есть мое «как обычно», – передразнил он меня ноющим тоном.

– Но не в таких условиях. Это довольно опасно...

– «Довольно опасно!» – снова передразнил он меня. Потом его обычный издевательский прием, фраза, которой он вынуждал меня пойти на любой риск вопреки моему желанию: – Господи, да ты просто жалкий слабак!

Росс осмотрел склон. Я тоже осмотрел. Потом он взглянул на меня с вызовом:

– Кто последний, тот расплачивается в баре! – Он натянул на лицо маску и стартовал еще до того, как я успел подготовиться, как и в любых наших соревнованиях.

И я почти поехал за ним. Почти. Но не поехал.

Я так часто слышал эту издевку, что она потеряла силу. Я даже не поехал по трассе. Чувство победы над собой развеялось, пока я ехал один на подъемнике вниз, сквозь густой темный туман, будто признал наконец свое поражение.

В отеле я сел в баре у окна, вглядываясь в темноту.

Вскоре меня нашли мама с папой. Мама весь день провела в спа и была вся розовая и блестящая. Отец спустился вниз, как только пошел снег, и уже успел помыться и переодеться к ужину.

– Где Росс?

– Он решил спуститься на лыжах. А я устал и поехал на подъемнике.

Я не сказал, что Росс поехал по целине, решив не беспокоить их напрасно.

Примерно через час мама начала нервничать и поглядывать на часы.

– Он, наверное, кого-нибудь встретил и поехал в бар, – сказал я.

– Или вернулся в номер переодеться, – предположил папа.

– Кажется, небо проясняется, – проговорила мама. – Может быть, он укрылся где-нибудь переждать бурю?

Мы наперебой предлагали возможные причины его долгого отсутствия.

Думаю, мы все испугались за Росса. Мама не хотела, чтобы все сочли ее паникершей, отец не желал ставить под сомнение храбрость и мастерство старшего сына, а мое беспокойство росло еще и оттого, что я не все им сказал.

– Может быть, пора известить какие-то службы? – спросил я наконец. – Просто мне кажется, он собирался ехать по целине...

– Что? Почему ты раньше не сказал?!

Отец уже решил обвинить во всем меня.

Пока мы поняли, что нужно делать в таких случаях, и отправили спасателей на поиски Росса, прошло уже три часа с того момента, когда я видел его в последний раз. Они нашли его в девять вечера. Он был еще жив, но сильно замерз. У него была сломана рука и разбита голова. Как оказалось, буквально через минуту после нашего расставания Росс врезался на полной скорости в дерево. Они смогли точно определить время, потому что у него разбились и остановились в этот момент часы. И я всегда думал, что он мчался вниз, все время оглядываясь назад, проверяя, не догоняю ли я его, и упустил ту долю секунды, когда еще можно было увернуться и избежать столкновения.

– Почему ты отпустил его? – закричала на меня мама, как только увидела носилки.

– Одного! – возмущенно добавил отец.

Конечно, они не могли не понимать, что я не смог бы его удержать, но им нужно было обвинить кого-то в том, что произошло. Росса нельзя было обвинить, было очевидно, что он умрет. А те, что погибают молодыми, должны оставаться героями.

7

*Декабрь 1997 г.
ТЕСС*

В рождественское утро меня разбудил звон посуды, доносившийся с кухни. Я выпрыгнула из кровати и в одной ночной рубашке, босая, бросилась вниз. На кухне мама сидела на корточках перед дверцей духовки, проверяя, как готовится индейка. Она обернулась и улыбнулась мне:

– Как прошла всенощная?

– Я знала, что это неправда! – Меня разрывало от счастья, и я побежала к ней, раскинув руки. Потом я проснулась, и шар безграничного счастья, в котором я находилась, разбился, оставив тяжелое разочарование.

В комнате было темно, праздничное покрывало было тяжелее моего будничного. Снизу доносились звон посуды и аромат жареной индейки. Я вспомнила, что нахожусь в гостевой комнате О’Нилов.

Интересно, сколько длился мой сон? Секунду или несколько минут? Как мой мозг смог это проверить? Как мое спящее сознание создало эту историю из привычных запахов и звуков? И почему я так быстро проснулась? Я закрыла глаза, пытаюсь снова вызвать мамино видение, но все было напрасно.

«А вдруг это знак?» – подумала я.

Мама могла мне сказать что угодно, но она упомянула церковную службу.

Хоуп спала рядом со мной.

– С Рождеством, Три! – сказала она, едва открыв глаза. – С Рождеством! – радостно повторила Хоуп.

Мне кажется, я никогда не видела, чтобы Хоуп грустила. Она могла упрямиться, злиться, но такой она была всегда. Иногда я смотрела на свою сестру и думала: скучает ли она вообще по маме? Я не спрашивала, потому что если она этого просто не осознавала, то мой вопрос навел бы ее на эту мысль. И тогда я спрашивала себя: если пятилетний ребенок может это пережить и забыть, то почему не можешь ты?

– Как прошла всенощная? – спросила миссис О’Нил, когда мы собрались в гостиную, чтобы открыть подарки.

– Как обычно, – не моргнув глазом ответила Долл.

Врать у нее всегда получалось лучше, чем у меня. Она не стала придумывать причины, объясняющие наше отсутствие на службе, а просто сделала ставку на то, что никто не заметил, что нас там не было, или не скажет об этом родителям.

Я подумала, может быть, чувство вины за то, что вместо всенощной службы мы вчера провели вечер в пабе, побудило мое подсознание явить образ мамы и ее слова о службе? Но я по-прежнему очень явственно ощущала ее присутствие, и это сбивало с толку.

– А где мои подарки? – спросила Хоуп.

На деньги, полученные от папы, я купила для Хоуп проигрыватель компакт-дисков от отца и диск с подборкой рождественских песен от себя. Санта-Клаус подарил ей набор конфет в ярком мешке в форме носка, но, конечно, он его принес не к нам домой и не к О’Нилам – у нас не было дымоходов. Хоуп в этом смысле была совершенно лишена фантазии, и мысль о том, что по дому ночью крадется чужой дядька с бородой, приводила ее в ужас.

Папе я купила носки с Гомером Симпсоном¹⁴ от Хоуп и бутылку «Джемесона» от себя, потому что эту марку виски ему всегда покупала мама. Папа был приятно удивлен, как будто не ожидал от меня подарков.

Потом пришла моя очередь открывать подарки. От Хоуп я себе купила длинные сережки в магазине «Аксессуариз».

– А где твой подарок для Три? – спросила отца Хоуп.

Наверное, я должна была догадаться, что для себя подарок мне тоже придется купить самой. Но я же, как дура, верила, что мама искренне удивляется, открывая коробку с дешевыми духами каждое Рождество.

– Ну, – неловко промямлил отец, – я не знал, что тебе купить, Тесс. Поэтому решил, что лучше ты сама выберешь себе что-нибудь по душе.

Он встал, вытащил бумажник из заднего кармана и отсчитал сначала пять, а потом, зная, что на него смотрит миссис О’Нил, еще пять десятифунтовых банкнот. Это было очень щедро, конечно, но мне было бы приятнее, если бы он сам купил мне подарок.

Мама всегда дарила мне ежедневник. Самый обычный, размером с тетрадку. Но мама всегда сама делала для него обложку из ткани и вышивала на ней мое имя и год. С тех пор как мне исполнилось десять лет, это было первое Рождество без ежедневника.

В обед мы открыли коробку с двенадцатью праздничными хлопушками с сюрпризом. Дома у нас таких никогда не было – они стоили слишком дорого. Когда Хоуп оправилась от первого неожиданного хлопка, она так увлеклась, что пришлось разрешить ей вскрыть все хлопушки и собрать все призы, которые были внутри. Хоуп сложила эти сокровища в свою новую розовую сумочку, подаренную ей Долл. Нам удалось уговорить ее оставить для нас хотя бы праздничные бумажные короны.

– Все-таки Рождество – это в первую очередь детский праздник, правда? – несколько раз говорил мистер О’Нил, словно напоминая об этом самому себе.

Миссис О’Нил приготовила индейку со всеми возможными подливами и гарнирами. Для Хоуп она даже сделала маленькие колбаски, а на десерт ей выдали целый лоток сливочного мороженого с кучей украшений из мармеладок, шоколадных кружочков и конфет – миссис О’Нил прекрасно знала, что не все дети любят рождественский пудинг.

Днем папа с мистером О’Нилом ушли в паб, а Хоуп села с миссис О’Нил смотреть детский фильм по телевизору. Когда мы с Долл закончили мыть посуду, она предложила нам пойти погулять.

Зимнее солнце отражалось на воде бледной серебристой дорожкой. Сейчас, когда цвета природы были приглушены дымкой тумана, было понятно, почему наш городок так привлекал художников в сезон урожая. Сам Тернер любил тут рисовать. В наши дни большинство домов Викторианской эпохи, ранее служивших богатым лондонцам летними загородными резиденциями, превратились в дома престарелых или инвалидов с медицинским уходом, где тянули свои дни алкоголики, наркоманы и сумасшедшие, слоняясь днем по улицам города. В окнах этих печальных домов висела мишура.

На улице попадались редкие прохожие, вышедшие растрясти свой праздничный обед. Игровые автоматы непривычно молчали, и в тишине я выхватывала обрывки чужих разговоров.

– Как печально, бедные мальчики... – сказала пожилая женщина в кресле-каталке своей молодой компаньонке, катившей кресло.

– Да, такая трагедия...

«Интересно, они говорят о чем-то своем или о событиях в королевской семье?» – подумала я.

¹⁴ Персонаж мультсериала.

Двое молодых мужчин лет тридцати шли нам навстречу, вероятно, братья, приехавшие на праздники к родителям. Или пара геев? Приблизившись к нам, один из них явно отметил Долл. Значит, не гей. Второй продолжал разговор:

– ...вот в чем подвох, когда живешь как в кино... – Весь его вид – дешевые джинсы, кожанка цвета детской неожиданности – говорил о том, что жизнь его сложилась не так, как ему хотелось бы.

– Как думаешь, о каком кино они говорили? – спросила я Долл.

– Какое кино?

– А, не важно.

Я всегда подслушиваю чужие разговоры и придумываю истории о том, кто эти люди и что у них происходит в жизни. Мама была такая же. Бывало, мы с ней сидели в кофейне на набережной, болтали, как обычные люди, но стоило уйти парочке, сидевшей за соседним столиком, как мы сразу же начинали обсуждать все, что успели услышать.

– Совесть у него явно не чиста... Не поверила я ему, когда он начал извиняться. А ты? Мне кажется, она – его любовница. Что думаешь?

С Долл все было по-другому – у нее самой всегда имелось что рассказать.

Мы спустились к пляжу. Был отлив, и море было совершенно спокойным. Легкие волны, словно шелковый шлейф, с шорохом накатывали на ровный влажный песок.

– «И днем и ночью тихий плеск у дальних берегов...»

– Что? – спросила Долл.

– Это из маминого любимого стихотворения.

– О...

Есть ли срок давности у человеческого горя? Три месяца? Полгода? Даже лучшие подруги не смогут вечно тебе сопереживать. Может быть, мне пора бы уже «свыкнуться», «пережить это»? Или все это лишь фразы, придуманные теми, кто ни разу в жизни не терял близких?

– В Италии принято навещать умерших родственников в Рождество, – сказала Долл. – Перед входом на кладбище продают цветы. По-моему, это хорошая идея. Как считаешь?

Я подумала о маминой могиле в самом дальнем конце кладбища. Насколько я понимаю, земля должна осесть, прежде чем можно будет поставить надгробие, поэтому ее могила пока была без памятника. Мне было грустно думать, что она лежит там одна, посреди чужих людей, под грудой увядших цветов и промокших игрушек. На соседней могиле было установлено черное надгробие в форме сердца с выбитой надписью: «Ты *навечно* в сердцах». Мама была бы в гневе от такой безграмотности, она была очень щепетильна в отношении правил языка. Надо было мне сходить к ней на могилу. Но мне и в голову такое не пришло, просто потому, что я не могла представить, что мама лежит там.

– Фред говорит, так они приобщают усопших к общему веселью, – продолжала Долл.

– Фред? – тут же включилась я.

– Фред Маринелло. Его отец – итальянец.

– Неужели!

Смысл моего вопроса, который она, конечно же, поняла, был в том, с чего бы это у нее были такие познания о его семье. Надо пояснить, что Фред был капитаном футбольной команды и самым крутым парнем в нашей школе. В возрасте шестнадцати лет ему предложили контракт в местном полупрофессиональном клубе, и он стал самым молодым в истории клуба игроком. А теперь еще ходили слухи о том, что его заметили и прочат ему место в команде «Арсенал». Об этом даже писали на первой полосе местной газеты под заголовком: «Ждет ли Фреда Премьер-лига?» В нашем городе он был едва ли не самой знаменитой личностью, и все девчонки параллели, конечно, мечтали об этом парне.

Хотя, если подумать, накануне вечером в баре он был с компанией приятелей, и Долл по пути в дамскую комнату перекинулась с ним парой слов, при этом я видела, как она указала в мою сторону, словно говоря, что вот там мы сидим.

– Он приходит к нам в салон на эпиляцию ног, – быстро пояснила она. – Некоторые игроки Премьер-лиги делают эпиляцию, говорят, это помогает улучшить аэродинамику.

– Или повысить чувствительность, – засмеялась я.

Но Долл даже не улыбнулась. Она очень серьезно относилась к своей профессии. Долл хотела стать косметологом с тех пор, как в пять лет ей подарили на Рождество куклу, у которой после стрижки снова отрастали волосы. Она была младшим ребенком в семье и единственной девочкой, так что ей позволялось играть с мамиными старыми помадами, тенями и подводками. Однажды, когда нам было по семь лет, Долл экспериментировала с макияжем, используя меня в качестве модели. Моя мама пришла в такой ужас, что наши семьи несколько недель не садились в церкви на одном ряду.

– И между прочим, он пригласил нас на новогоднюю вечеринку, – сказала Долл.

– Нас?

– Ну ладно, меня, но он сказал, что ты тоже можешь прийти.

– Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

– Ой, да брось. Если ты пойдешь со мной, мы сможем там быть хоть до утра. Ты же знаешь мою маму.

Мою маму всегда немножко тревожила наша дружба с Долл – мама считала, что Долл на меня плохо влияет. А вот миссис О’Нил, наоборот, всячески поощряла нашу дружбу, потому что я была примером для подражания: много читала, всегда знала, что нам задали на дом, и все такое.

– А что делать с Хоуп? – спросила я, пытаюсь найти повод для отказа. – Папа наверняка уйдет в бар.

– Она может остаться у нас дома.

– Мне нечего надеть.

– Не строй из себя этакую Золушку, – сказала Долл.

– Значит, решено? – спросила я.

– Ты поедешь на бал, – ответила Долл.

И только когда Фред Маринелло открыл нам дверь в канун Нового года, я все поняла. Он улыбался во весь рот. В детстве у него были кривые зубы, но не так давно несколько зубов ему выбили мячом, и теперь на их месте красовались ровные белые коронки.

Он жадно оглядел Долл с головы до пят. Потом, как будто не заметил меня раньше, сказал:

– Тесс!

Даже в балетках я ростом была выше Фреда, а парни его типа не знали, как на такое реагировать.

– Прими мои соболезнования по поводу мамы, – сказал он. – Она была очень милой женщиной. Кстати, эта прическа тебе идет.

Обычно свои длинные кудрявые волосы я забирала в хвост, чтобы не мешались, но в тот вечер Долл поработала над ними, выпрямив и уложив на косой пробор, так что часть волос свешивалась прямо на лицо. Тряхнув головой, я чувствовала запах средства для укладки.

– Это Долл постаралась, – ответила я.

– Не только красавица, но и талантище, – Фред поцеловал Долл в губы.

Я почувствовала себя полной душой. Я так хорошо умела придумывать истории про незнакомых мне людей по обрывкам фраз и просмотрела все признаки первой большой влюбленности лучшей подруги. Теперь, вспоминая наши разговоры о «единствен-

ном избранном» и «второй половинке», об итальянских семьях, я понимала, что все было довольно очевидно.

– И давно? – спросила я, когда мы снимали пальто в спальне родителей Фреда и проверяли перед зеркалом, не размазалась ли помада на зубах.

– Ну, я не была уверена, что это серьезно, – ответила она, словно извиняясь за свое молчание.

– И как, серьезно?

– Он зовет меня Марией Д.!

– И тебе нравится?

Долл звали Марией Д. только учителя в школе, чтобы отличить ее от Марии Лоудерс, которую звали Марией Л.

– Мне кажется, это так по-взрослому, – ответила Долл, оправляя обтягивающее платье из черного гипюра.

Я посмотрела на свое отражение. Рядом с Долл мой рост еще больше бросался в глаза, потому что она была миниатюрной, идеально сложенной красоткой. Когда мы ходили на вечеринки или в бар, я всегда чувствовала себя рядом с ней суровой компаньонкой, представленной для пригляда, а не лучшей подругой. На мне были черные джинсы и красный бархатный топ с воротником-хомутом плюс помада в тон из новой палетки, которую Долл подарила мне на Рождество. Этакий намек на моду пятидесятых. Иногда мне казалось, что я родилась не в свое время, что мода другой эпохи пришлась бы мне больше к лицу. У меня были длинные ноги и узкие бедра, и на мне хорошо смотрелись брюки. Но «верх» у меня был на пару размеров больше. Как утешала меня мама, фигура пловчихи, после того как одна из олимпийских пловчих стала моделью для рекламы косметики.

Я не могла понять, чем вызвано мое неприятное чувство. Я завидовала Долл, потому что она перешла на другую ступень отношений, или просто злилась на то, что она скрыла это от меня? Не то чтобы мне нравился Фред или я сама имела на него виды, нет, даже если бы он мне и нравился, у меня не было никаких шансов – не моего полета птица. Неужели я была такой жалкой, что даже лучшая подруга не решилась поделиться радостью, что она встречается с парнем своей мечты?

На вечеринке были в основном ребята из нашей выпускной параллели, но было и несколько парней постарше, видимо, футболистов. Гостей я для себя сразу разделила на три группы. Те, кто знал о том, что у меня умерла мама, улыбались мне или спрашивали: «Ну как ты?», на что я могла ответить только: «Хорошо». Вторая группа не знала о маме, те спрашивали, нравится ли мне учиться в университете, так что им приходилось все объяснять. В итоге на все соболезнования я научилась отвечать простым «спасибо». Но тогда получалось что-то обыденное, как благодарность за комплимент. Были и совсем новые люди, но представиться и завязать с ними разговор у меня не хватало смелости.

Мои сверстники уже все устроились на работу, вели разговоры об ипотеке или покупке новой мебели, а я словно вернулась назад во времени – работала в начальной школе, где все мы учились.

– О боже, я так боялась миссис Коркоран! – сказала Чериз Маккуори.

– Я до сих пор ее боюсь!

Мы пили розовое игристое из Испании – каву. В то время еще была в моде кава, о просекко тогда никто и слыхом не слыхивал.

– Повезло старушке Долл, да? – проговорила Чериз. – Вот уж точно «выйдет замуж за миллионера».

– Ну это если она выйдет замуж за Фреда, а он станет миллионером, – ответила я.

В ответ Чериз на меня посмотрела так, как, бывало, частенько на меня глядела в школе. В выпускном альбоме под ее фото была подпись: «Станет моделью». Хотя сейчас она всего лишь была продавцом в отделе № 7 обувного магазина.

Под моим фото в ее альбоме было написано: «Станет учительницей». Наверное, потому, что я была занудной зубрилкой. Мама всегда хотела, чтобы я стала учительницей, я же не была в этом так уверена. А теперь тем более. В учительской школы Сент-Катбертс царила строгая иерархия. Мы, помощники учителей и воспитателей, сидели в своем уголке и ели сэндвичи, пока остальные учителя собирались вместе и жаловались друг другу на ужасный план обучения и на объем работы на дом. Не похоже было, что жизнь у них веселая.

Вечеринки мне никогда не нравились. Если ты высокая и застенчивая, тебе приходится даже хуже, чем маленьким и застенчивым. Потому что люди видят тебя издалека, подходят, думают, что при таком росте ты должна быть вполне уверенной в себе. А ты в ответ еле можешь слова подобрать и молчишь. И все начинают думать, что ты – задавака. А парни чаще всего оказываются меньше тебя ростом, и единственное, что они могут сказать при встрече:

– А ты не малышка, да?

Это обидно, и я в ответ начинаю огрызаться.

Но на этой вечеринке нашелся парень, который был таким высоким, что ему приходилось наклоняться, чтобы пройти в дверь. Мы одновременно потянулись к последнему бутерброду, так что наши руки коснулись, и мы вынуждены были обменяться любезностями: «нет, это твое», «нет, бери ты». Я даже не была голодна, если честно, но за едой я хотя бы могла сделать вид, что чем-то занята, а не подпирать стену где-нибудь в одиночестве.

– Фред сказал, ты – подружка Марии.

Я не сразу ответила.

– Я зову ее Долл, то есть сокращенное от Долорес. Ты, кстати, знал, что «Мария Долорес» означает «Мария Печальная»... – трещала я.

– Не похоже, чтобы она была в печали! – сказал он, покосившись в сторону гостиной. – Кстати, я – Уоррен.

– А ты кем ему приходишься?

– В смысле? А, я – вратарь.

Мы потанцевали. Было даже приятно ощутить на талии большую мясистую руку и поцеловаться по-настоящему, когда часы пробили полночь. Уоррен был таким высоким и крупным, что в его объятьях я казалась хрупкой.

– Давай бери пальто, и пошли, – прошептал он мне в шею.

– Нет уж, спасибо! – отскочила я, как чопорная монашка.

– Он что, думал, я к нему в постель прыгну после первого поцелуя?! – спросила я Долл по пути домой.

Ее молчание сказало обо всем за нее.

– О господи, ты с Фредом?! Вы... – Вдруг я совершенно протрезвела. Так вот почему мне казалось, что я на этой вечеринке лишняя. Дело было вовсе не в смерти мамы. Просто они все уже занимались сексом. А я была абсолютной девственницей.

– Извини, Тесс, – сказала Долл.

Она просила прощения, что не рассказала мне.

Я вспомнила, как мы с ней учились целоваться, по очереди практикуясь с зеркалом в спальне. Что, в общем-то, было очень глупо – разве может что-то плоское и холодное даже отдаленно сравниться с губами? Да еще мы с ней смотрели, правильно ли все делаем, а в романтических сценах люди целуются с закрытыми глазами.

С тех пор мы с Долл встречались с мальчиками, но дальше коктейля на побережье и кино дело не заходило. Мы всякий раз обсуждали свой опыт и оценивали степень близости

контакта по шкале от одного до десяти. Впрочем, поскольку до десяти у нас раньше не доходило, было довольно сложно ставить оценку. Да и то, что казалось пятерочкой в прошлом году, уже тянуло только на двойку в следующем. И вот теперь Долл добралась до десяти, а я все еще еле дотягивала до шести, потому что не позволяла парням трогать меня за грудь, не говоря уж о чем-то ниже.

– Это приятно? – спросила я.

– Да просто супер! Я даже не думала, что будет так клево.

– Ты любишь Фреда? – спросила я, ощущая, словно мне снова двенадцать лет.

– Наверное, – сказала Долл. – Мне иногда просто сложно поверить в это. Представляешь, Фред Маринелло!

Ночь выдалась морозная. От нашего дыхания поднимались облачка пара, каждый шаг отзывался хрустом инея на мостовой. Я подняла глаза к звездному небу.

– Подумать только, сколько пар встретилось сегодня впервые... Кто-то продержится вместе пару недель, а кто-то проживет вместе всю жизнь. Но никому не дано знать этого сегодня, в день первой встречи, – сказала я.

Долорес странно посмотрела на меня.

– Уоррен – нормальный парень, – сказала она. – Он продает товары по телефону.

Я не думала об Уоррене. Я даже не думала в тот момент о себе. Просто иногда я вот так смотрю на ясное звездное небо и думаю, что Вселенная так необъятна и непредсказуема, что удивительно, как наши мелкие жизненные события, происходящие на Земле, могут иметь большое значение для нас.

– У него есть служебная машина, – сказала Долл, как будто это добавляло ему очков.

– Слушай, я понимаю, со стороны кажется, что я такая привереда, но Уоррен сказал: «Да не ломайся! Фред шепнул, что тебе не хватает внимания!» – и это было не самое соблазнительное предложение.

– Ой! – сказала Долл. – Извини!

– Я правда очень рада за тебя и Фреда, – сказала я, потому что подумала, этого от меня и ждут. – Просто я переживаю, что теперь мы с тобой будем видеться реже. Наверное, я ужасная эгоистка, да?

– О, значит, нас таких двое!

Мы рассмеялись, и на секунду мне показалось, что между нами все как прежде. Но потом мы замолчали. Потому что теперь вряд ли мы уже были на равных.

* * *

Хоуп слышно было с улицы. Папа и мистер О'Нил пошли в паб, а миссис О'Нил не хотела слушать музыку в ожидании боя часов Биг-Бена.

– Она очень любит рождественские песни, да?

Миссис О'Нил воспитала четырех сыновей и Долл, но я никогда не видела ее уставшей, как после этого вечера, проведенного с Хоуп.

– Давайте я отведу ее домой, – предложила я.

– В такой час? – спросила миссис О'Нил. – Тем более что гостевая комната уже готова.

Я сказала Хоуп, что она может дослушать свой диск в спальне, но только если перестанет кричать, переоденется в пижаму и почистит зубы. И чтобы удостовериться, что истерики не повторится, я легла рядом с ней, хотя собиралась попить чаю с печеньем в компании Долл и ее мамы. Хоуп уснула, только когда диск почти закончился.

Я лежала, смотрела в потолок и думала о том, что я решила начать с этого Нового года.

Когда я была помладше, каждый год я писала свои обещания на Новый год красивым почерком, связывала их мамиными нитками для вышивания в свитки и вешала на комод в своей комнате.

Я всегда буду мыть посуду.

Я буду больше помогать маме.

Я буду откладывать карманные деньги.

Я давно бросила записывать свои намерения, но все равно каждый новый год давала себе торжественное обещание начать новую жизнь, как большинство людей. Но теперь ничто не шло на ум.

Год назад мы с мамой отмечали Новый год вдвоем, с серебристой новогодней елкой, новогодним концертом по телевизору и рюмочкой сливочного ликера. Мои пожелания для себя самой на этот год были вполне понятными: сдать вступительные экзамены на «отлично» и скопить денег из зарплаты в магазине на летнюю поездку.

– А ты что загадала? – спросила я ее.

– А я каждый год загадываю одно и то же, Тесс: быть счастливой тем, что имею.

Если честно, я разозлилась на нее. Если бы она не была такой смиренной святошей, думала я, она могла бы многого добиться. Она была такой умной, начитанной – мама в неделю прочитывала по две-три книги из библиотеки. Она знала ответы на все вопросы в шоу «Кто хочет стать миллионером». Она бы многое могла, если бы захотела.

А теперь мне пришло в голову, что, может быть, тот факт, что она желала себе *быть счастливой тем, что имеет*, означало, что она была *несчастлива*. Что не смогла реализовать своих возможностей в жизни.

Ну почему мы не говорили с ней об этом?

Почему она не говорила мне, что думает на самом деле, вместо того чтобы загадочно улыбаться с видом «скоро сама все поймешь»? Почему, если она могла сказать мне что угодно, она спросила меня, как прошла всенощная? И что, черт побери, я должна была понять по ночной бабочке?

Я отвернулась к стене и залилась горячими слезами, сдерживая рев и стон, сотрясаясь всем телом. Скрючившись на кровати, как младенец в утробе, я рыдала, пока вдруг не ощутила, словно мама озабоченно склонилась надо мной, как раньше в детстве, когда у меня был жар.

В фильме «Верно, безумно, глубоко», который Долл взяла в прокате в пятницу, решив, что это романтическая комедия, Джульет Стивенсон так оплакивала возлюбленного, что ему пришлось вернуться к ней в виде призрака.

Но никто не пришел ко мне протереть лоб влажным полотенцем со словами: «Тише, тише, малышка, скоро все будет хорошо». В этой чужой холодной комнате я так тосковала по маме, что сердцу стало по-настоящему больно.

«Пойми, дело не в том, что я не справляюсь, – мысленно сказала я ей. – Мне просто страшно не хватает тебя. Когда мы возвращаемся из школы, дом без тебя пуст. Я скучаю по нашим разговорам на кухне и по нашему молчанию в кафе. Мама, я очень скучаю по тебе! Все не так, когда тебя нет рядом...»

И вдруг я подумала, как мама расстроилась бы, увидев меня такой, всю в слезах.

– Прости, мама, – сказала я.

И я почти услышала ее ответ:

– И ты прости меня, Тесс. Ты знаешь, я тоже не этого хотела.

8

*Декабрь 1997 г.
ГУС*

Росс умер в полдень накануне Нового года.

По лицам родителей я видел, что они решили в то утро, но мне они ничего не сказали. А если бы я попросил, позволили бы они мне присутствовать при этом? Но я не просил, я знал, что это должно было произойти только между ними тремя. Они принесли его в этот мир, и у них было пять лет общей жизни до того, как появился я. Я бы им только мешал. Так что у меня не было шанса попрощаться с ним, потому что никто не хотел признавать вслух того, что должно было случиться. «Умер» звучит гораздо легче, чем «отключили». Да и прощание было бы формальным, его мозг к тому времени уже не функционировал. Единственное отличие, которое я заметил, войдя в палату, – полная тишина. Оборудование не пищало и не пытело. Я подумал, хорошо, что его отключили, пока на улице было еще светло и не начались повсюду фейерверки и радостные гудки клаксонов.

Через два дня мы летели домой, самолет был полон лыжников с похмелья, и только одно место было пустым – рядом со мной. Родители решили кремировать то, что осталось после раздачи органов на пересадку, и развеять пепел над морем. Они подумали, что так будет правильно – Росс всегда любил море. Он все время говорил, что однажды поставит мировой рекорд и переплывет Атлантический океан.

Ровно год спустя мы отправились в Лимингтон, чтобы успеть на паром, идущий на остров Уайт. Ехали в тишине. Слышны были только скрип «дворников» по стеклу и шорох шин по мокрой дороге. На заднем сиденье рядом со мной лежал большой букет белых лилий.

Отец надеялся взять лодку у домика на побережье, который мы арендовали каждое лето, выйти на ней в бухту и бросить цветы в море в том же месте, где мы развеяли пепел прошлой весной. Но когда мы приехали к морю, ветер и дождь усилились, было ощущение, словно кто-то лил воду на машину гигантскими ведрами, ее качало с каждым новым порывом ветра. Сквозь залитое водой стекло невозможно было разглядеть, где кончается берег и начинается море.

Мы долго ждали, что случится чудо и погода изменится. Никто не произнес ни слова. Спустя час дождь был все таким же. Мой отец внезапно включил двигатель и отвез нас обратно в Ярмут. Его гнев от неудавшейся миссии чувствовался в богатом салоне «БМВ» так же сильно, как аромат лилий.

– Давайте выбросим их с борта парома, – предложил он, когда мы подъехали к городу.

– Может, лучше пойдем на пирс возле паба, где вы обычно ловили крабов? – ответила мама, поворачиваясь ко мне в поисках поддержки.

Пока наша маленькая траурная процессия шла по скользкому дощатому настилу пирса под зонтом для гольфа, который не мог всех нас защитить от дождя, я думал, отчего же нельзя было устроить для Росса могилу на обычном грустном кладбище, вместо того чтобы превращать этот прекрасный остров, наполненный солнечными воспоминаниями счастливого детства, в угрюмое дождливое место, где мы никогда больше не сможем быть счастливыми.

На конце пирса мама долго возилась с целлофановой оберткой, пока наконец не разорвала ее и не отдала мне. Потом они с отцом исполнили церемонию бросания цветов в море. Они закрыли глаза и на счет «три» бросили цветы в море, словно загадывая желание. Мы стояли и смотрели, как они болтаются на волнах, битые дождем и ветром. Я подумал, что хорошо бы они не утонули, потому что тогда это будет как-то неправильно, и хорошо бы волны не вынесли их на берег, потому что тогда есть риск повторения церемонии с самого

начала. Через пару минут я подумал, что хорошо бы уж они утонули, иначе мы никогда не уйдем с этого места, если хоть что-нибудь не случится.

Наконец мама вздохнула и с умилением произнесла:

– Уверена, он уже дважды успел обогнуть земной шар!

– Наверняка! – проникновенно согласился отец.

Даже пепел Росса в их глазах имел героический характер, склонный к приключениям.

Потом они оба повернулись и удивленно уставились на меня, словно забыли, что я был с ними.

Да, Росс, они бы предпочли, чтобы на твоём месте оказался я.

Конечно да.

Мы ехали домой в молчании.

Вернувшись, мама сразу пошла наверх. Папа налил себе виски и включил телевизор.

Я лежал в своей комнате, упершись взглядом в темное окно, и вспоминал, как раньше снизу доносился приглушенный гул гостей, когда родители устраивали вечеринки с вином и сыром. Иногда я слышал, как папа хохочет над шутками Росса, когда они проводили вечер за бокалом виски вдвоем. Сейчас только смех аудитории телешоу доносился снизу, и он не мог заглушить рыданий мамы, раздававшихся из комнаты Росса.

Я открыл окно и высунул голову на улицу. Было холодно и безветренно. Я пораился темноте и тишине, воцарившимся после того, как дождь стих. В Лондоне никогда не бывает темно по-настоящему, и над ночным небом всегда стоит оранжевое сияние городских огней. Я вспомнил ночь фейерверков и лицо Люси, глядевшей на россыпь золотых огней в небе с детским восхищением. В Лондоне никогда не бывает по-настоящему тихо. Всегда фоном идет шум поездов подземки или внезапные гудки автосигнализации.

Когда уши привыкли к тишине, я начал различать вдалеке звуки новогодней вечеринки и музыки, доносившейся из чьего-то дома. Чьи-то голоса хором стали вести обратный отсчет в полночь: «Пять, четыре, три, два, один!», и раздались выкрики и шум праздничных салютов. Потом послышался первый куплет старой английской новогодней песни, но ее заглушил ритм танцевальной музыки.

Небо очистилось. Миллионы людей наверняка смотрели сейчас на мерцание бездны Вселенной, давая себе обещания начать новую жизнь.

Я закрыл окно и откопал в недрах своей сумки бумажку, на которой Люси написала номер. Потом я побежал вниз и быстро, пока не успел передумать, позвонил ей.

– Кто ее спрашивает? – спросил женский голос.

На его фоне был слышен шум вечеринки.

– Гус, – сказал я как можно спокойнее и тише, чтобы не слышали родители.

Кажется, где-то вдалеке я услышал, как Люси воскликнула:

– Это он!

– С Новым годом! – поздравил я.

– С Новым годом!

Повисла небольшая пауза, потом мы оба разом заговорили:

– Помнишь, мы хотели встретиться...

– Ты не против встретиться?

Нервный смех.

– Ничего, если я завтра приеду?

* * *

Знакомый силуэт пальто Люси и широкая улыбка на ее лице быстро вернули меня к жизни. Родителям я сказал, что мне нужно вернуться в Лондон и подготовиться к экзаменам. Это было ужасно приятно, как будто я пошел им наперекор и сбежал из дому.

Люси отвезла меня на машине к побережью. Мы не виделись всего две недели, а новостей у нее был целый ворох. Нормальных человеческих новостей. Она рассказывала, как она сходила на встречу выпускников, забрала в школе свои документы с отличными оценками, толкалась на распродажах с сестрой, как они водили ее маленькую племянницу Хлою на праздничное представление, но были вынуждены уйти в антракте, потому что девочка испугалась разряженных мимов.

Я рассказал ей про свои походы в Национальный театр, и мне самому показалось, что это было сто лет назад.

– Ты один ходил? Ну как, тебе не показалось, что это странно?

– Ну, пожалуй, немного, – признался я. – Мы могли бы в следующий раз вместе сходить. Ты как?

– Отлично, – согласилась она.

Мы припарковались на одной из узеньких улочек, ведущих к пляжу. Водила она с завидной уверенностью, втиснув машину в крошечное пространство рядом с бордюром.

– Ну а как ты провел праздники? – спросила она.

У меня не было таких смешных историй, как ее рассказ о бабушке Синтии, которая, видимо, уже страдала старческим маразмом и решила залить рождественский пудинг водой, потому что подумала, что он горит.

– Спокойно, – ответил я.

Это побережье было не похоже на то, к которому я привык. На острове Уайт песок был мелкий и белый, словно сахарная пудра, а тут он был темный и жесткий, как строительный, и так резко уходил в глубину канала, что нам приходилось зарываться боками кроссовок в песок, чтобы не скатиться по склону. Когда Люси в первый раз покатила по склону, я поймал ее за руку, поднял обратно и отпустил, как только она снова твердо встала на ноги. Во второй раз я оставил ее руку в своей и мы поднялись на набережную.

– Давай выпьем кофе! – предложил я, когда мы проходили мимо итальянского кафе, оформленного в ретростиле.

Внутри было тепло, и мы немного расслабились.

– Здесь готовят отличное мороженое, – заметила Люси и заказала себе горячий шоколад.

– А мне, пожалуйста, многослойный «Никербокер» с фруктами и взбитыми сливками, – сказал я официантке и увидел, что Люси смеется. – А что такого? Я люблю мороженое!

– Ты такой... – она не могла подобрать слово.

– Дурак?

– Оригинальный, – поправила Люси осторожно.

– Это хорошо или плохо? – спросил я.

– Скорее, мило! – воскликнула она и покраснела, смутившись.

– Это ты – милая, – вдруг сказал я.

Моя рука протянулась к ней по розовому столику. Люси сняла перчатки, но кончики ее пальцев были холодными, я легонько сжал ее руку и быстро отпустил, как только к нам снова подошла официантка.

Люси отпила из высокого бокала и поставила его на стол.

- Что-то не так?
- Сливки сверху очень вкусные, но сам шоколад просто кипяток...
- Обожглась?
- Немного.
- Съешь мороженого.

Я протянул ей ванильное. Она немного помялась, но открыла рот. И когда проглотила целую ложку и промокнула уголки губ салфеткой, я почувствовал, что внизу у меня все напряглось.

- Теперь лучше?
- Да, спасибо, доктор!

Тишина, повисшая над столом, была полна невысказанных мыслей, пока я поглощал десерт, а она мешала шоколад в бокале, время от времени позвякивая ложечкой о стекло.

- Мы могли бы поехать ко мне, если хочешь, – сказала она.
- Ладно, – согласился я, раздумывая, прилично ли явиться на знакомство с родителями в джинсах и клетчатой рубашке.
- Родители повезли бабушку в Рай.
- В Рай?
- Да, она живет в доме престарелых недалеко от города Рай.
- Путь неблизкий, да? – спросил я, имея в виду совсем не расстояние между городами.
- Да, часа полтора в одну сторону. Они останутся там на чай, – ответила она, не заметив иронии.

- Люси продолжала мешать свой шоколад.
- Можно я немного добавлю туда мороженого, чтобы охладить?
- Она хихикнула в ответ:
- Ты смешной...

Я знал, что не был ни смешным, да и ни особенно оригинальным, если уж честно, но рядом с ней я чувствовал себя нормальным, как будто мои замороженные эмоции постепенно начали оттаивать.

Дом у нее оказался большим, с просторным садом, на окраине города. В доме сочетались элементы архитектуры времен династии Тюдоров, фахверковые фронтоны и витражное стекло на входной двери. Его явно строили в те времена, когда земли было в избытке, и люди, которые могли себе позволить такой дом, желали иметь приличных размеров сад, как перед домом, так и позади него. На полукруглой подъездной дорожке был припаркован «Вольво», и я даже испугался, не передумали ли ее родители уезжать в другой город. Люси прочла мои мысли.

– Это мамина машина, – пояснила она. – Родители уехали на папиной «Ауди». А этот «Рено» мы делим со средней сестрой.

– И сколько у тебя сестер? – спросил я, ощущая, что поддерживать светскую беседу в ожидании того, что должно случиться, мне все труднее.

– Две. Старшая, Хелен, уже замужем, у нее есть дочь Хлоя, и они ждут второго. Средняя, Пиппа, сейчас в Канаде.

- Вы дружны?
- Мы все очень разные, но между собой ладим. Даже не представляю, каково это, быть единственным ребенком в семье... – Люси на меня так посмотрела, что я подумал, не догадалась ли она.

Я никогда не врал ей про Россса, но и не говорил о нем, и сейчас была отличная возможность исправить ситуацию, возможно, последний шанс рассказать правду без лишних осложнений.

Я промолчал.

Росс всегда говорил, что я не умею врать потому, что не умею вовремя придумать правдоподобное объяснение. Тогда меня выдавало мое молчание. Теперь же молчание окутывало меня некоторой тайной.

– Неудивительно, что ты такой... – Люси опять не могла подобрать слово. Я надеялся, что она не скажет «избалованный», ведь именно такими чертами обычно описывают тех, кто рос единственным ребенком в семье. – Такой замкнутый.

Просторная прихожая была закидана пластмассовыми детскими игрушками. Желтая лошадь-качалка с голубой гривой казалась гигантской на фоне других мелких фигурок животных.

– Мама два дня в неделю присматривает за моей племянницей, – пояснила Люси, – чтобы Хелен могла работать на полставки.

– А кем работает Хелен?

– Она терапевт.

Папа Люси был терапевтом, мама – патронажной сестрой, одна сестра – терапевтом, вторая училась на физиотерапевта. Представляю, как мой отец хотел бы произвести впечатление на эту семью.

– Кофе? – предложила Люси.

Я проследовал за ней в большую кухню, которая, в отличие от нашей, была наполнена разной мелкой ерундой, как в нормальных счастливых семьях: списки покупок, прижатые магнитиками на холодильнике, карточки служб такси, детские рисунки, открытые пачки сухих завтраков на столе, миски с кошачьей едой и водой на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.